

Пряник с черной икрой

Автор:

Дарья Донцова

Пряник с черной икрой

Дарья Аркадьевна Донцова

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант #43Иронический детектив (АСТ)

Новое расследование буквально заявилось к Евлампии Романовой на дом – нужно срочно разобраться со странной смертью соседки. Да нет, точно Надежда Владимировна Реутова не могла совершить самоубийство, не тот у нее характер, к тому же и место происшествия обставлено уж слишком нарочито. Словно кто-то спектакль с криминальным сюжетом поставил, а декорации для него – дом, куда Лампа и ее муж Макс Вульф недавно переехали. И надо же, не успели сыщики с одной смертью разобраться, как погиб другой сосед. Тот, правда, сдавал свою квартиру, но машина его сбила явно не случайно. Кому же настолько помешали пенсионерка и садовник?.. Сложное дело, а у Лампы между тем появился новый член семьи: неизвестное науке животное – котопес по кличке Генриетта Карловна Сидорова...

Дарья Донцова

Пряник с черной икрой

© Донцова Д. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Любовь мужа к жене проверяется шопингом...

Я поставила многочисленные пакеты на пол в холле и выдохнула. Сегодня у меня неожиданно сломался зонтик. Нужно было приобрести новый, и ноги принесли меня в большой торговый центр... И каков результат?

Мой взгляд пробежал по армии пакетов с покупками. Помнится, я купила свитер, платье и теплые штанишки для Кисы...

Стоп! За детские вещи ругать себя не стоит, девочка очень быстро растет, сейчас самое начало октября, вот-вот наступят холода, и брючки с начесом точно понадобятся. Что там еще? Пудра, губная помада, тушь, тени, румяна... А кто виноват, что моя косметичка куда-то подевалась вместе со всем содержимым? И ботиночки осенние у меня поистрепались, пришлось купить две пары. Почему не одну? Объясняю: сначала я приобрела очень симпатичные на толстой белой подошве, а чуть позже увидела восхитительные черные ботильоны. Ну согласитесь, бегать осенью в дождь по московским улицам в обуви со светлой подошвой глупо. Во что она в первый же день превратится? Значит, нужно еще что-то для слякоти, темненькое. Исключительно ради сохранения красоты первой пары обуви мне пришлось купить вторую. Я не из тех женщин, которые тратят деньги зря, и этот конкретный случай является свидетельством моей рачительности. Еще я купила красивый шарф, кожаную куртку, две новые попонки для Фиры и Муси (у мопсов есть комбинезоны, но уже старые), подборку книг Смоляковой, форму для торта (ну очень понравилась – силиконовая, голубого цвета), скатерть в столовую (я давно такую искала, с вышитыми щенками-котятами), коврик в мою ванную (там есть половичок, но на новом изображен умильный мопс). Одним словом, всё сплошь очень нужные приобретения. Дальше уже по мелочи: кошелек, перчатки, коробка конфет, набор пирожных, два кухонных полотенца с прелестным орнаментом, четыре салатника... Ну ничего лишнего!

Из сумки полетела веселая трель, я вытащила мобильный.

– Я посмотрел... – начал Макс.

– Знаю, знаю, – перебила я мужа, – на карточке осталось сто два рубля тринадцать копеек. Сейчас все объясню. Я пошла купить зонтик, старый не открывается, а в магазине удачно попалась масса необходимых вещей. Вот, к примеру, пелеринки для Фиры и Муси. Они розовые с рюшечками, на спинках вышиты сердца и стразы приклеены. У мопсик есть комбезики, но старые, потертые. Выйду я во двор в новых ботильонах, кожаной куртке, шарфе и перчатках, а собаки рядом – как бомжихи. Некрасиво, правда?

– Конечно, – согласился Макс. – Как правило, счастливая псинка одета лучше своей владелицы.

Я пришла в восторг – никто не понимает меня так, как Вульф!

– Поэтому на карточке больше денег нет. Но я ни копейки на ерунду не спустила.

– Ты все правильно сделала, – успокоил меня Макс.

Я улыбнулась. Вот уж точно: любовь мужа к жене проверяется шопингом.

– Кстати, я и тебе купила подарок. Носки! Невозможно красивые – зеленые с вышитыми красными мопсами.

– Супер! – восхитился супруг. – Идеально подойдут к черному костюму и особенно к оранжевой рубашке с принтом из синих обезьянок, которую мне в этом году Дед Мороз под елку положил.

– Короче, сорочка тебе не понравилась, – расстроено вздохнула я, – ты ее ни разу не надел.

– Просто не было подходящих носков, – пояснил муж, – а теперь комплект собран. Хотя нет. Не хватает шарфа с мишками. Белого. А Топтыгины должны иметь фиолетовый окрас.

– Ты так считаешь? Хм, возможно, такое кашне и попадется мне где-нибудь под руку, – пробормотала я.

– Зонтик-то купила? – поинтересовался муж.

– Ой! – вырвалось у меня. – Забыла...

– Собственно, я звоню не по поводу похудевшей кредитки, – сказал Вульф. – Классная руководительница Кисы сбросила мне эсмэску. Завтра состоится родительское собрание.

– Почему она тебе написала? – удивилась я. – У нее же есть мой номер.

– Понятия не имею, – ответил Макс. – Ну все! Пополни кредитку и не переживай из-за денег.

Я положила трубку на стол и погладила Фиру с Мусей, которые крутились у ног.

– Сейчас выведу вас, не суетитесь. Но если честно, совершенно не хочется из дома высовываться, дождь идет. У вас-то новые попоны теперь есть, а себе глупая Лампа зонтик купить забыла.

Беседу с собаками прервал звонок в дверь. Я ее распахнула и обрадовалась:

– Наточка!

– Еще раз здрассти, Евлампия Андреевна, – пропела девушка. – Видела, как вы с пакетами в подъезд вошли, ну и подумала: вы устали, наверное, да и дождь на улице. Давайте выйду с мопсиками погулять? Заодно и мусор ваш выкину. Только девочек по погоде одеть надо, а то их собственные шубки промокнут.

Я вытащила розовые попонки.

– Вот!

Ната захлопала в ладоши.

– Красота! Восторг! Теперь ваши мопсята будут самые красивые! Новые, да?

– Сегодня купила, – похвасталась я.

– Цвет, как у принцесс, вышивка, камушки блестящие... – начала нахваливать собачьи обновки Ната. – Просто глаз не оторвать! И еще рюшечки... Даже у Лизы, йорка со второго этажа, такой прелести нет. Надо сказать Надежде Владимировне – вот какие одежды-то шьют.

Я застегнула на Фире воротник.

Если вы думаете, что Наташа Ильина наша домработница, то ошибаетесь. Из помощниц у меня есть только Роза Леопольдовна Краузе, няня Кисы. Правда, сейчас она отсутствует, отпросилась на пару недель. Сказала, мол, у нее какие-то личные дела, но я подозреваю, что она отправилась на пластическую операцию. Краузе очень озабочена своей внешностью. Во всяком случае, в последнее время она постоянно твердила, глядя на себя в зеркало:

– Я слышала, что нос растет в течение всей жизни, но не думала, что он настолько увеличивается. У меня прямо клюв стал, как у тукана!

Надеюсь, когда Роза Леопольдовна вернется, мы ее узнаем.

Так кто же такая, спросите вы, эта Наташа, которая вместо меня пойдет на променады с мопсами, да еще и мусор вынесет? Сейчас все расскажу.

Жили мы в своей квартире, и некоторое время назад у нас появились новые соседи. В апартаменты этажом выше въехала семейная пара, Лена и Сережа. Супруги Волковы воспитанные люди, всегда здороваются при встрече, улыбаются, придерживают двери подъезда, если я иду за ними, гладят мопсиков, приветливы с Кисой. Жить бы нам и радоваться... но, к сожалению, не все было столь лучезарно. Сергей ювелир, делает из разных материалов бижутерию. В одной из комнат он обустроил себе мастерскую. Там у него стоят всякие станки, чтобы резать камень, дерево, пластмассу, металл. Волков известный мастер, заказов у него масса. Поэтому у нас над головой постоянно стоял гул, скрежет, визг пилы, а через открытое окно в квартиру проникали запахи жженой резины, пластика. Проработав весь день, ювелир хотел отдохнуть, поэтому созывал гостей. Веселые компании собирались почти каждый вечер, народ танцевал, а хозяйка, пианистка, самозабвенно исполняла на фортепьяно разные произведения. Лена талантливый музыкант. Но она очень рассеянная. Например, начнет мыть посуду, хватается за телефон и забывает выключить воду в раковине. Поболтать с подругами Волкова любительница, и беседы ее не раз

прекращались лишь в тот момент, когда я или Вульф звонили ей в квартиру и кричали:

– Вы нас затопили!

Кроме того, Лена может включить утюг и уйти по делам. Или поставить на плиту суп и лечь спать.

В конце концов нам с Максом надоело вызывать пожарных и мастеров, которые выливали воду из наших натяжных потолков, наскучило подниматься за полночь к соседям и просить их не шуметь. Лена и Сергей всегда извинялись, дарили мне торты, Макс бутылку, но вели себя по-прежнему, и никакой управы на них не было. Короче, нам стало понятно: надо что-то делать. Да и Киса подросла, а ее брат вот-вот вернется в Москву, окончив колледж в Америке. Не ясно, останется ли парень в России или решит работать в США, но ведь он все равно будет прилетать домой, у него должна быть своя комната. А у Кисы крохотная детская, такая кубатура хороша для малышки, школьнице же требуется просторное помещение, куда поместятся не только игрушки, но и книги. В общем, мы поняли, что надо искать другое жилье.

Я занялась решением проблемы, но воз оставался на месте, пока мне не встретилась на собачьей площадке Наташа с йорком Лизой.

Ильина не может похвастаться эффектной внешностью – она очень худая, ростом примерно метр семьдесят, с мальчишеской фигурой. Если бы не длинные густые волосы, падающие ниже плеч, ее со спины легко можно принять за парня. Но когда Ната поворачивается к вам лицом, все сомнения отпадают, сразу становится ясно: Ильина принадлежит к женскому полу, причем к той его части, которая отчаянно пользуется макияжем. Брови у нее слишком широкие и черные, а без огромных искусственных, щедро покрашенных тушью ресниц я ее ни разу не видела. Как, впрочем, и без разноцветных теней на веках. Лицо Ната покрывает толстым слоем тонального крема цвета загара и густо запудривает, на щеках у нее пылают розовый румянец. Губы увеличены с помощью карандаша и бордовой помады. Если смыть с Наты всю эту чудовищную красоту, возможно, она окажется милой и даже симпатичной девушкой, но о ее настоящей внешности мне судить трудно, поскольку я никогда не видела ее без косметики. Однажды поздним вечером, около полуночи, мне срочно понадобилась Ильина, и я отправилась к ней домой. Ната открыла дверь – ее лицо, как всегда, украшал полный боевой раскрас. Может, она не смывает его даже на ночь?

Слава богу, Наташе не пришло в голову соорудить из волос нечто столь же «прекрасное», как ее макияж, ну, скажем, обесцветить их или сделать красно-сине-зелеными. Правда, она косо отстригла челку, которая закрывает весь лоб, но сами роскошные локоны не изуродовала. Голос у лифтерши хриплый, как у курильщицы, хотя с сигаретой она мне не попадалась. Наверное, дымит тайком.

Встречались ли вам красавицы, которые при ближайшем знакомстве оказывались весьма неприятными людьми? А вот с Наташей все наоборот – внешность у нее странная, но я с первой же встречи почувствовала симпатию к очень доброй девушке, которая начала восторгаться Фирой и Мусей. Я похвалила йорка Лизу, и тут Ната объяснила, что собачка вовсе не ее. Девушка обожает животных, но завести собственного любимца не может, потому что работает консьержкой в пятиэтажном доме, который находится чуть поодаль от нашей башни на той же огороженной территории. В пятиэтажке есть полуподвал, в нем оборудовано жилье для консьержки. Там Наташа и живет.

Она всегда на месте. По утрам Ильина выгуливает собак обитателей дома. У Наташи есть ключи от квартир, и в отсутствие хозяев она всегда покормит кошку или псинку, вымоет посуду. Она выносит мусор, следит, чтобы никто посторонний не занял парковочное место жильца дома, с радостью покараулит коляску с малышом, если матери надо отлучиться, сбегает в магазин. Более того. Если в квартире случается какая-то неприятность, не надо хвататься за голову, глядя, как с потолка хлещет вода. Просто позвоните Наташе и спокойно уходите на работу. К вашему возвращению ваше жилье будет иметь первозданный вид. Ната – ангел-хранитель дома, где работает. Естественно, ей платят за услуги, но, поверьте, она целиком и полностью отрабатывает те небольшие деньги, которые получает.

Почему молодая девушка занимается работой, которую обычно выполняют пенсионерки? Ната не умеет ни читать, ни писать. Да, да, она дисграфик и дислексик. Не знаю, почему ее родители не стали усердно заниматься с ребенком, Ильина ничего о своей семье не рассказывает. Консьержка вообще человек не из болтливых, никогда не говорит о том, что у кого в квартире видела.

Беседуя с Наташей впервые, я еще ничего о ее характере не знала, но неожиданно для себя рассказала ей о проблемах с соседями. Она посочувствовала, а через неделю позвонила к нам в дверь и сообщила:

– В нашем доме на третьем этаже живет Тамара Николаевна Окошкина. Она хочет свою квартиру продать. Дать вам ее телефон?

Я позвонила даме, и дело мгновенно завертелось. На новое место мы перебрались в рекордно короткий срок, и я до сих пор не могу поверить в нашу удачу.

Апартаменты оказались намного больше наших прежних. Тамара Николаевна оставила нам всю мебель, люстры, занавески, кухонные принадлежности. Уезжала она на такси, села в машину с одним небольшим чемоданом. Когда мы договаривались о сделке, Окошкина сказала мне:

– Все, что есть в квартире, – ваше. Если не понравится, смело отдавайте кому-то или продавайте. Единственная просьба – ничего не рассказывайте никому, пока не вселитесь. Никто не должен знать, что я уезжаю. Ни одна душа в доме. Потом, когда переберетесь, запрет снимается. Можете спокойно пояснить: «Квартиру мне Окошкина продала, куда сама отправилась, понятия не имею».

– Так я на самом деле не знаю ваш новый адрес, – сказала я.

С похожей просьбой ко мне подошла и Наташа.

– Евлампия Андреевна, пожалуйста, не сообщайте никому, что я вас с Окошкиной свела. Ваша новая соседка Реутова несколько раз говорила мне: «Очень хочется приобрести апартаменты еще и на третьем этаже. Если вдруг услышишь, что Тамара переехать хочет, сразу мне скажи». А я вам нашептала, потому что очень захотела с Мусей и Фирой гулять, играть с ними. Уж так мне ваши мопсы понравились! До жути! Не выдавайте меня, ладно?

Я постаралась не рассмеяться.

– Не волнуйтесь, не в моих правилах откровенничать с посторонними людьми.

Наташа и Тамара Николаевна беспокоились зря, никто из обитателей пятиэтажного дома не стал расспрашивать меня, коим образом наша семья свела знакомство с Окошкиной. Соседи восхищались мопсами, улыбались Кисе, мы беседовали при встречах о погодных катаклизмах. Зато мне стала

названивать некая Елена, которой очень хотелось заполучить бывшие апартаменты Тамары Николаевны.

– Ну давайте договоримся, – ныла она в трубку, – уступите мне квартиру моей мечты, а я вам свою отдам. Или дом за городом. Еще и приплачу.

На пятый или шестой раз, сказав очередное: «Спасибо за предложение, но мы не намерены затевать обмен, нам самим тут очень нравится», я добавила: «И прекратите звонить, от вашей настойчивости ничего не изменится».

Собеседница вдруг зашипела: «Вы разве не знаете, что квартира, где вы поселились, проклята? В ней проводили сатанинские ритуалы. Убегайте оттуда, пока не поздно, я протягиваю вам руку помощи, предлагаю...»

Вот тут я разозлилась:

– Елена, мой муж, господин Вульф, владеет детективным агентством. У вас скрыт номер телефона, но поверьте, если Макс захочет, он его выяснит, узнает фамилию-отчество надоедливой особы, которая не понимает, что уезжать мы не хотим и просим оставить нас в покое. Уж тогда мало вам не покажется. Я думаю, что апартаменты вам не нужны, вы просто хулиганка.

Крепко выругавшись, Елена отсоединилась и, вот уж удивление, более нас не беспокоила. Я, честно сказать, не ожидала, что так легко от нее избавлюсь.

Глава 2

– Давайте пакет с отходами, – предложила лифтерша, приведя домой собак. – Ой, на улице такой дождь полил!

Я протянула Ильиной мешок с мусором.

– Все тут. В том числе гора пустых пакетов. Я за покупками ходила.

– Чеки вынули? – деловито осведомилась Ната.

– Они мне не нужны, – сказала я.

– Вдруг вещь обменять решите? – стояла на своем девушка. – И вообще нельзя кассовый документ целым выбрасывать. На нем есть информация о вас. Мало ли кому она в руки попадет?

– Помогите! – неожиданно истошно завопил женский голос. – Помогите! Бога ради! Полиция!

Мы с Наташей выскочили на лестничную клетку.

– Это, наверное, Надежда Владимировна кричит, – прошептала лифтерша.

– Вы уверены? – спросила я. – Реутова на втором этаже живет, а звук вроде сверху шел.

– Она же старшая по подъезду, поэтому любит по лестнице сновать, – пробормотала Ната, – часто туда-сюда шастает.

Забыв про лифт, мы с Натой ринулись вверх по ступенькам. Домчались до самого верха и увидели Реутову, она стояла вплотную к двери квартиры семьи Цыганковых. Я услышала, как она говорит: «Знаю, чем ты занимаешься...» Однако увидев нас, Реутова тут же замолчала.

– Что случилось? – спросила я.

– Не знаю, – ответила Реутова и отошла от створки. – Шла мимо Цыганковых, натерла пятку, остановилась туфлю поправить, напевала песенку. Слышала ее утром по радио, и прилипла она ко мне. «Ля-ля-ля! Знаю, чем ты занимаешься, мой любимый... ля-ля-ля! Знаю, чем ты занимаешься, дорогой, с другой обнимаешься...» Фу! Слова несусветные, музыка им под стать, но застряла эта дрянь в мозгу. А тут вы!

Я отвела глаза в сторону. Мы стоим на последнем этаже, а Реутова живет на втором. Ну каким образом она могла идти мимо Цыганковых?

Наташа показала пальцем на дверь.

– Вроде оттуда кричали: «Помогите!» Затем наступила тишина. Голос женский был.

– Тебе, наверное, почудилось, – предположила Реутова. – Веры Андреевны нет, она, кажется, в командировку улетела, Зиновий Павлович сейчас один. И вообще, Наташа, что ты тут делаешь? Здесь находишься, а в парадное же тем временем кто-нибудь чужой зайти может.

– Нет, – возразила консьержка, – входная дверь заперта. У жильцов есть ключи, посторонним я сама открываю. Абы кого не пропущу, только если из квартиры позвонили и велели гостя к ним проводить. И один он не поедет, я за всеми посетителями приглядываю. Но никогда не расскажу, кто к кому направился. Будете спрашивать, кто у Зиновия Павловича? Промолчу. Я слышала женский крик, что-то плохое стряслось. У меня ключи от квартиры Зиновия Павловича есть. Я их Рыжика днем кормлю, лоток мою, если он туда наделал. Кот такой брезгливый – в неубранный туалет не сядет ни за какие консервы. Аристократ. Весь в хозяина. Вера Андреевна просила за Рыжиком ухаживать, только если дома никого нет. А если там хозяин, я заходить не имею права.

Наташа отступила к лифту и нажала на кнопку вызова со словами:

– Ой, кто-то вроде внизу звонит...

Подъемник услужливо распахнул створки, Ильина уехала.

– Убили, убили, убили, – снова закричал женский голос. – Спасите!

Надежда Владимировна развернулась и стрелой полетела вниз по лестнице, я последовала за ней. Через пару секунд я увидела приоткрытую дверь квартиры Лаптевых, оттуда летели вопли:

– Убили! Застрелили! Зарезали!

Глаза Реутовой хищно сверкнули.

– Раз дверь нараспашку, значит, войти приглашают.

Прежде чем я успела что-либо сказать, Надежда Владимировна ужом ввинтилась внутрь чужого жилища. Я осталась снаружи, не зная, как поступить.

До моего слуха долетел звон, затем визг. Через секунду к лифту выбежала Светлана Лаптева с заварочным чайником в руке. Увидев меня, она заорала:

– Лампа! Скорее! На меня напали!

Я спросила:

– Кто?

– Не знаю! Сажу себе тихо, телик смотрю, сериал, – залязгала зубами Лаптева. – И вдруг вижу – по ковру что-то шмыг! Мышь, похоже. Я боюсь их так, что и не рассказать. Заорала от ужаса. Грызун исчез. Я дух перевела, решила, что мне почудилось. Детектив по телику жуткий, но интересный. Там как раз начали главного героя бить, я отвлеклась на фильм. Тут опять кто-то по полу – топ-топ. Я чуть не умерла – в кино следователя убивают, дома крыса завелась... Я как завоплю! Но от экрана-то не отлипаю. Ноги в кресло втянула, чтобы мышь их не отгрызла...

Я постаралась не расхохотаться. Интересно посмотреть на зверушку, способную оттапать отнюдь не худые конечности соседки. Для этого не домовая мышь, а крокодил нужен.

Светлана резко выдохнула.

– И вдруг на меня какая-то куча сзади навалилась! Я стукнула ее, она упала, а я удрала!

Выпалив все на одном дыхании, Света живо захлопнула дверь и подытожила:

– Бандит в квартиру проник, теперь он никуда не денется. Дверь у нас стальная, укреплена штырями, накладки из натурального дуба. Мой Миша дрянь не купит. Телефон есть?

– Дома оставила, – ответила я.

– Надо полицию вызвать, пусть грабителя арестует, – азартно заявила Светлана. И с сожалением посмотрела на чайник: – Вон как я его ошандарашила, даже носик отломился. Жалко, мне его привезли из Китая. Ну да фиг с ним!

Тут приехал лифт, из него выскочила Наташа.

– Кто-то опять кричал? «Убили, застрелили, зарезали?»

– Не, я другое орала, – объяснила Светлана, – а то, что ты слышала, это телевизор. Громкость я на максимум поставила, когда следователя в подвал скинули. Тихо так было в телике... Затем вопль несусветный.

Я, успев сообразить, что произошло, изо всех сил сдерживала смех.

– А-а-а-а, – протянула Наташа, – так вы сериал смотрели про сыщиков.

– Да, – подтвердила Лаптева. – А чего еще делать? Миша магазином руководит, дети в гимназии, я в фитнесе позанималась и к экрану прилипла. Там сегодня – прямо жуть на лапах: любовницу главного героя пристрелили...

– Почему у вас дверь открытой была? – перебив ее, с запозданием удивилась я.

– Правда? – изумилась Света. – Наверное, когда я из спортзала вернулась, не захлопнула ее. Дверь тяжелая, я ее часто до щелчка в замке не дотягиваю, вот она и распахивается. Миша постоянно меня за это ругает. И правильно делает, балда у него супруга.

– Светлана, куча, которая на вас напала, это Надежда Владимировна, – ухмыльнулась я. – Мы решили, что у вас что-то случилось, побежали посмотреть, не нужна ли помощь. Реутова влетела внутрь квартиры, а я осталась снаружи. А через пару мгновений вы с чайником выскочили.

– Да ну? – заморгала Светлана. – Значит, это я соседку так шандарахнула?

– Похоже, именно ее, – кивнула я.

Лаптева смутилась.

– Неприятная ситуация. Но она сама виновата – вошла тихо, молча... И что теперь делать?

– Думаю, надо открыть дверь и выпустить пленницу, – посоветовала я.

– Ой! – взвизгнула Светлана. – Ключи-то внутри остались!

– У меня запасные есть, – сказала Ната и побежала вниз по ступенькам.

Глава 3

– Значит, в квартире Лаптевых бродила мышь, а по телевизору шел сериал, Реутова услышала вопли, решила, что у Светланы в квартире беда, сунулась внутрь и получила по кумполу чайником, – расхохотался Макс и поперхнулся чаем.

– Мы с Натальей тоже слышали крики и подумали то же, что и Реутова, – призналась я. – Только нам почудилось, будто звук сверху летит. Поэтому мы ринулись на последний этаж и нашли там Надежду Владимировну.

– А где она находилась? – спросил муж.

– Под дверью Цыганковой, – объяснила я.

Макс отложил ложку.

– Что она там делала?

– Мимо шла, – с самым серьезным видом пояснила я. Потом не выдержала и рассмеялась: – Я задала ей тот же вопрос и услышала то, что тебе сейчас сказала.

– «Мимо шла...» – повторил Макс. – Ну да, со второго этажа на пятый. Хотела на улицу выйти, да перепутала направление. Бывает.

– Тетя, о которой вы говорите, всегда мне конфеты предлагает, – неожиданно сказала Киса, доедая сырник.

– Ты говоришь ей «спасибо»? – спросила я. – Солнышко, только не надо есть сладкое, которым посторонние люди угощают. У соседки возьми и мне отдай. А у незнакомых никогда не бери.

Киса отодвинула тарелку.

– Лампуша, про то, что надо делать с подарками, которые чужие дают, я знаю с пеленок. Я уже не маленькая, хожу в школу. Не волнуйся! Не возьму ничего. Не сяду в чужую машину, если водитель скажет, что его за мной папа-мама прислали. И не пойду со стариком искать его пропавшую собачку.

– Подкована на все четыре ноги, – одобрил Макс. – Вырастешь – возьму тебя в агентство начальником отдела безопасности.

– Нет, – возразила Киса, – я стану стоматологом и Косте Репину, который мне сегодня в волосы жвачку плюнул, зубы без анестезии лечить буду.

– Тоже хорошая идея, – кивнул Вульф. – А поскольку лет через двадцать, когда ты получишь в личное пользование бормашину, у тебя соберется целая очередь из тех, кому ты без укола клыки чинить захочешь, список начинай составлять сейчас, а то забудешь. Я вот своих обидчиков уже не помню.

– Папа шутит, – сказала я, – Костя не нарочно так поступил.

– Наивная ты, Лампа, – вздохнула Киса, – всех хорошими считаешь. Нет, Репин не случайно плевался. И я ему отомщу!

– Лучше подари мальчику яблоко, – предложила я.

– Зачем? – надулась Киса. Потом лицо ее озарилось улыбкой. – А-а-а-а, поняла! Твердое, как камень? Чтобы он его кусанул и всю челюсть сломал? Супер! А где

такое взять?

– Нет, я говорила об обычном яблоке. Понимаешь, на зло надо отвечать добром. Допустим, Костя тебя на перемене стукнул. Что ты сделаешь? – спросила я.

– Дам ему в глаз, – мигом возвестила Киса.

– А надо угостить его конфетой и сказать: «Костя, ешь, все будет хорошо, не нервничай», – посоветовала я.

– Так он опять меня треснет, – возразила Киса.

– Но ты снова с ним по-хорошему поговори, – продолжала я, – и в конце концов Репину станет стыдно: он тебя обижает, а ты к нему с подарком. Мальчик с тобой подружится. Ты же, Ариша, научишься терпению.

– Лучше сразу ему в глаз дать кулаком, – отрезала Киса, – тогда он быстро поймет, что ко мне лезть не надо. А тетя, про которую вы говорили, не просто так сладости предлагает. Один раз она так пристала ко мне с угощением, что я его взяла, потому что хотела узнать, что дальше будет. А она спросила: «Твои мама-папа о чем дома говорят? Про соседей сплетничают? Если подробно расскажешь, еще конфету дам».

Мы с Максом переглянулись.

– Что же ты ей ответила? – осторожно осведомилась я.

Киса зевнула.

– Сказала: «Тетя, я не дура. За две карамельки родителей не продам. Дешево меня цените, я к дорогим швейцарским шоколадкам привыкла. Принесете набор в пять кило, и тогда побеседуем».

Макс рассмеялся.

– Киса, ты молодец!

– Я намного умнее, чем взрослые думают, – важно ответила девочка.

Звонок в дверь прервал наш ужин.

– Кто может прийти в десять вечера? – насторожилась я.

– Если что в офисе случится, мне на мобильный звякнут, – ответил Вульф. – Наверное, соседка прибежала за хлебом.

– Экие стародавние времена ты вспомнил, – засмеялась я и встала. – В паре минут ходьбы от дома находится круглосуточный супермаркет, ничего не стоит туда за хлебом сбегать. У тех, кто живет рядом, сейчас никто хлеб-соль не просит.

– Сиди, я открою, – велел Макс и ушел.

– Сложи ранец на завтра, – напомнила я Кисе.

– Уже сделала, – кивнула та.

– Сменку не забыла?

– Мешок в прихожей.

– Молодец, – похвалила я юную ученицу. – А теперь мыться и спать.

Киса поковыляла к двери. Я смотрела ей вслед. Ну почему детям вечером не хочется спать, а утром их невозможно оторвать от подушки?

Девочка обернулась.

– Лампуша, ты мне бордовую юбку с белой кофтой погладила?

– Нет. А надо? – удивилась я. И услышала в ответ:

– Конечно. Говорила же, завтра в гимназии важное событие.

– Какое? – полюбопытствовала я.

– Не знаю. Учительница ничего не объяснила, просто велела всем прийти в праздничном наряде, – протянула Киса. – Я не забыла ни про уроки, ни про одежду. А ты запомнила о моем завтрашнем празднике. И кто у нас маленький и глупый? Я или ты?

– Лампа, – позвал меня из холла Макс, – иди сюда.

Я пошла на зов, размышляя на ходу. Кто из нас маленький и глупый? С одной стороны, Киса произнесла слова, которые ей не стоило говорить взрослому человеку. Но с другой-то, она права. Из моей головы действительно вылетела ее просьба. Обычно за Кисой смотрит няня Роза Леопольдовна, но сейчас ее нет. Приходится признать: Киса имела право задать свой вопрос. Увы, честный ответ на него меня вовсе не обрадовал.

– Евлампия, познакомься, это Сергей Петрович Каменев, – сказал Макс, когда я вышла в холл.

– Очень приятно, – сказала я, оглядывая полного мужчину, на животе которого едва сходилась дорогая, явно сшитая на заказ рубашка.

– Господин Каменев просит нас зайти к Реутовой, – объяснил муж.

Я удивилась, но виду не подала, просто уточнила:

– К Надежде Владимировне? На второй этаж?

– Да, – подтвердил Каменев. И пояснил: – Она моя мать. Необычайное везение, что в одном доме с ней живет владелец крупнейшего детективного агентства с безупречной репутацией.

Краем глаза я посмотрела на часы, что висят на стене у зеркала. Без четверти одиннадцать. Похоже, дело Сергея Петровича совсем не простое, речь явно пойдет не о слежке за женой-прелюбодейкой.

В холл вышла Киса. Она вежливо поздоровалась, а потом спросила:

– Где мой айпад?

– Недавно видел планшетник в моей ванной, – ответил Макс. – Кисуля, мы с Лампой отойдем на некоторое время. Не побоишься одна дома остаться?

– Я боюсь только тираннозавров, но навряд ли они сюда в ваше отсутствие заявятся, – ответила девочка и ушла.

– Ребенок у вас с чувством юмора, – заметил Каменев.

– Пошла в подготовительный класс первого сентября и через два дня заявила, что уже стала взрослой, – вздохнула я.

– Это цветочки, – махнул рукой Сергей Петрович, – ягодки появятся через несколько лет. У меня четверо. До сих пор не понимаю, почему еще не потерял разум и смог сохранить психическое здоровье, живя с оравой подростков.

– В чем проблема? – поинтересовался Макс, когда мы начали спускаться по лестнице.

– Сейчас сами увидите, – пообещал наш спутник и открыл дверь. – Проходите прямо в спальню.

Мы с Максом пошли за сыном Реутовой и оказались в комнате, где мечтает жить... каждая пятилетняя девочка. Интерьер был выдержан в розовых тонах: занавески, стены, ковер, мебель. Даже потолок был цвета только что вымытого с шампунем поросенка. На огромной кровати в горе подушек лежала Надежда Владимировна, одетая в пижаму, которой могла бы позавидовать Барби: сплошные кружева, рюши, воланы и стразы.

Вульф приблизился к ложу, взгляделся в лицо женщины и со вздохом обернулся.

– Простите, но тут мы вам не поможем. Необходимо вызвать полицию – ваша мать мертва. Единственное, что я могу, это попросить приехать Олега Михайловича Фокина. Он мой друг, человек опытный, не склонный к принятию

скорых решений.

– Очень вам благодарен, – кивнул Сергей. – Но ведь ничего не изменится, если мы сначала немного поговорим?

Я молча слушала Каменева и понимала: его мать не была для него близким человеком. Не похоже, чтобы он испытывал большое горе. Обычно родственники самоубийц ведут себя иначе.

Почему я решила, что Надежда Владимировна приняла решение самостоятельно уйти из жизни? На тумбочке лежала упаковка снотворного, рядом несколько пустых блистеров, и стояла бутылка из-под минералки. В комнате царил порядок. На лице, шее, руках покойной не видно царапин, ран или каких-либо других следов борьбы. Дорогое ночное одеяние... Большинство женщин, даже расставаясь с жизнью, хотят выглядеть красиво.

– На первый взгляд это очень похоже на суицид, – сказал Макс, – но нередко бывает, когда посмотришь второй раз, понимаешь, что ошибся.

– У вас есть перчатки? – спросил Каменев.

– Конечно. Но до прихода экспертов что-либо трогать нельзя, – предупредил Вульф.

Каменев потер лоб ладонью.

– Мои «пальчики» здесь повсюду, я же сын, приходил к матери регулярно. Давайте кое-что покажу, а потом объясню, чего я от вас хочу.

– Хорошо, – согласился Макс после секундного колебания.

Мы снова двинулись по коридору и вошли в темное помещение. Сергей Петрович щелкнул выключателем и пояснил:

– Это мамин офис.

– Кабинет? – удивилась я, осматривая большой стол с дорогим компьютером и стенные шкафы с непрозрачными дверцами. – Я думала, что Надежда Владимировна пенсионерка. Она часто гуляла во дворе, разговаривала в основном о своей собаке, о кулинарии, сериалах. Простите, не хочу вас расстроить, но госпожа Реутова никогда не упоминала ни о сыне, ни о внуках. Хотя бедной пенсионерке не под силу оплатить «коммуналку» в нашем доме.

– Тонкие струны моей души ваши слова не задели, – съязвил Каменев. – Моя мама мне не мать, но она мне мать. Путано, но иначе не скажешь. Сейчас сообщу вам все в подробностях, однако сначала...

Он открыл один шкаф.

– Ого! – воскликнула я. – Да тут одежда на любой вкус, парики, разные сумки, обувь, масса аксессуаров, коробки с гримом...

– Профессиональная мини-камера с прибабасами, – подхватил Макс, – и еще куча всяких штучек-дрючек, недешевых. Некоторые из них мы в своем агентстве используем. Ба! У нее есть определитель отпечатков пальцев, причем самый продвинутый. Он сканирует и тут же определяет личность, если, конечно, та внесена в какую-то базу. Отличная вещь. Ее нет на вооружении в полиции, потому что она дорого стоит.

– Надежда Владимировна была интересным человеком... – вздохнул Сергей Петрович. – Учитывая вашу работу, думаю, вы изучили своих будущих соседей, прежде чем приобрели квартиру в этом доме?

Макс не стал возражать.

– Конечно. Но глубоко не копал. Проверил наличие судимости, место работы и успокоился: все жильцы – нормальные люди. Надежда Владимировна была директором московской школы, рано ушла на пенсию. Меня факт, что она

перестала работать в пятьдесят, не беспокоил. Возможно, возникли проблемы со здоровьем. Или просто дети надоели. Но в ее биографии не сказано о сыне. Упомянута лишь младшая сестра, которая погибла много лет назад. Молодую женщину сбил пьяный водитель.

– Ее звали Нина Владимировна, – кивнул Сергей Петрович, – это моя родная мама, которую я совершенно не помню. И фотографий хороших нет, беда произошла в доайфоновую эру. Осталась лишь пара официальных снимков. Маме тогда едва исполнилось двадцать пять, мне три. И того алкоголика я не запомнил.

– Вы присутствовали при гибели матери? – уточнил Вульф.

Каменев сел в кресло.

– Она пошла в магазин, посадив меня в коляску. Что-то там купила, положила пакет в сетку под сиденьем детской коляски. Когда мы переходили на зеленый свет улицу, поклажа выпала. Мама остановилась и начала собирать то, что рассыпалось. Дорога шла под уклон, коляска покатила вперед и притормозила у бордюра тротуара, поэтому я остался жив. Из-за угла вылетел на мотоцикле пьяный урод, и... все! Тетя взяла меня на воспитание, но не усыновила, просто оформила опеку. Смерть сестры сделала Надежду другим человеком. Спустя несколько лет после ее похорон она стала хантером.

– Охотником? – перевела я. – На кого?

– На людей, – уточнил наш собеседник. – Вернее, на беглых преступников. Садитесь. Мне надо ввести вас в курс дела.

Мы с Максом опустились на диван. Каменев начал говорить, и вскоре я поняла: Реутова только казалась слишком любопытной соседкой, каких много в каждом доме, а на самом деле...

В жизни иногда происходят события, которые кардинально меняют человека. Утром он уходит из дома одним, а возвращается другим. Один слышит от врача сообщение о неизлечимой болезни, другой узнает об авиакатастрофе, в которой погиб любимый человек, третьего выгоняют с работы... Разное случается, главное – в такой момент не сломаться. Надо собрать в кулак все силы, волю и

жить дальше, пройти испытание, ниспосланное судьбой, не задавая себе вопроса, за что мне это? Нужно думать иначе: для чего мне это? И постараться найти правильный ответ.

Надя очень любила Нину и, конечно, желала всего самого ужасного пьянице, который лишил жизни ее сестренку. Спустя год после трагедии состоялся суд, байкера посадили за решетку. А через несколько дней преступник ухитрился сбежать. Галина Николаевна, мать девушек, узнав, что убийца ее младшей дочери оказался на свободе, свалилась с инсультом. Надюша впала в панику – у нее на руках оказались парализованная мама и малыш-племянник Сережа. Семья жила скромно, больших накоплений не имела, зато обитала в хорошей трехкомнатной квартире, которую Владимиру Реутову, отцу девочек, дали от завода как передовику производства. А от бабушки остался крепкий дом с большим участком в Подмосковье. Владимир давно развелся с женой, но, будучи человеком порядочным, исправно платил алименты до совершеннолетия дочерей. Когда Нина и Надя выросли, отец перекрыл деньгопровод и свел общение с первой семьей на нет. Девушки не обозлились. Надя работала учительницей в школе, Нина воспитательницей в детском саду, Галина Николаевна служила прислугой в трех семьях. Жили не тужили, не жаловались на трудности, радовались удачам. Пьяный мотоциклист в один момент разбил счастье семьи Реутовых.

Похоронив сестру, Надя попросила у отца помощи, объяснила, что содержать дома лежащую больную очень дорого.

Папаша ответил резко:

– Мы с твоей мамой развелись почти двадцать лет назад. Вам по малолетству о причине разрыва не сказали. Но сейчас сообщу ее тебе: я поехал в командировку, вернулся на день раньше и застал супругу с соседом. Ясно теперь, кто виноват? Детей я не бросил, деньги на вас сполна отсчитывал, у новой своей семьи, у Кати и Мишеньки, средства отнимал. Заболей ты сама, мы бы с женой не обрадовались необходимости тебя лечить, но что поделать, ты мне родная кровь, изыскали бы средства. А Галине я помогать не желаю. Не несу ответственности за бабу, с которой хрен знает когда развелся из-за того, что она шлюхой оказалась. Мне есть на кого денежки тратить.

Надя не стала упрашивать отца, объяснять, что помощь нужна не столько больной матери, сколько именно ей самой, не имеющей сил и денег. Девушка

приехала домой, поплакала, потом вытерла слезы и начала действовать.

Городские хоромы она сдала. Времена были советские, жильцов пускать не приветствовалось, соседи часто «стучали» участковому, если в доме появлялись квартиранты. Но Надюше сочувствовали все, поэтому никто не донес куда следует, что Реутова увезла больную мать и племянника на дачу, а на ее квадратных метрах теперь проживают посторонние люди.

Шло время. Сережа пошел в школу, Галина Николаевна умерла. Теперь Надя сдавала дачу и жила с мальчиком в городе. Она по-прежнему работала учительницей, а в свободное время занималась поисками мотоциклиста, который сбил Нину. Информации о пьянице было мало: имя, фамилия, отчество, прописка, возраст. Ни малейшего опыта в сыском деле Надежда не имела, но с упорством ищейки шла по следу. Дело резко продвинулось вперед, когда в классе, который вела Реутова, появилась девочка-двоечница, чьи отец и мать работали в милиции. Именно они, надеясь, что учительница вложит в голову их чаду немного знаний, очень помогли новоявленной сыщице.

Как-то раз Сережа, придя из школы, обнаружил дома вусмерть пьяную Надежду Владимировну. Зрелище шокировало и испугало подростка. Ведь его тетя, которую он считал мамой, даже пива не нюхала, а кроме того, всегда резко осуждала тех, кто хватается за бутылку. Сережа даже заплакал от страха, но сообразил, что никого из соседей на помощь звать не надо.

Утром Надя рассказала ему все, что случилось с семьей Реутовых, поговорила с ним, как со взрослым мужчиной. Она не пощадила племянника, не скорректировала информацию, не подумала о хрупкой психике мальчика, вывалила все как есть. Даже о причине развода его деда с бабкой, своих родителей, сообщила честно. А потом объяснила:

– Я нашла мерзавца-мотоциклиста. Он женился, взял фамилию супруги, уехал из Москвы в другой город, но все-таки я его вычислила. Знаешь, где гад находится? На кладбище! Он был алкоголиком, много людям горя принес, я не смогла его отыскать раньше и отправить за решетку, где он должен был мучиться. Убийца просто тихо сдох, без страданий!

Сергей Петрович, прервав рассказ, почесал висок.

– Я знал, что Надежда Владимировна моя тетя. Но прежде мне говорили, что родная мама рано ушла из жизни по болезни. Я не помнил ее совсем, звал матерью Надю. И до сих пор продолжаю ее так звать. Мое отношение к ней не изменилось после того разговора, а вот она как раз резко переменилась – сразу после работы куда-то убегала, возвращалась поздно, у нее появились деньги. Я долго не понимал, чем мать зарабатывает. Однажды, правда, поинтересовался, почему мы стали лучше жить, и услышал простые слова: «Ты уже вырос, можешь сам из школы прийти и обед подогреть. У меня появилось свободное время, поэтому я взяла учеников». Конечно, я ей поверил. Прозрение наступило, когда к нам домой почти ночью, едва не выломав дверь, влетел мужик и бухнулся на колени с воплями: «Надежда Владимировна, умоляю, измените свое мнение! Возьмитесь все-таки за поиски бабы, которая моего сына убила и из-под стражи сбежала! Любые деньги заплачу!» Я тогда уже институт заканчивал, занимался в секции борьбы. Короче, вышвырнул я бузотера вон, но потребовал у Нади все мне рассказать. Так я и узнал правду: она ищет преступников, которые удрали с зоны, или тех, кто до суда не дошел, откупился и подальше от родственников убитого спрятался. И до сих пор этим занималась, от меня материально не зависела. Квартиру эту, где мы сейчас находимся, Надежда Владимировна сама купила, без моей помощи. Я на нее влияния не имел. Характер у матери, скажу я вам... Представьте, на моей свадьбе она тост произнесла: «Мои родители развелись из-за того, что мать изменила отцу с соседом, и мы с сестрой в нищете потом жили. В такой ситуации больше всего жалко детей. Выпьем за то, чтобы жена Сережи не шлялась по мужикам и помнила: если я узнаю, что она налево свернула, то покрывать ее не стану. И ребенка, если он у молодых будет, ей никто не оставит. Уйдет вон в чем пришла». Рюмку осушила и села. Как вам такое выступление?

Глава 5

– Сильно, – оценил Макс.

Каменев повернулся ко мне.

– Захотели бы вы с такой свекровью в постоянном контакте находиться?

– Навряд ли, – осторожно ответила я. – Выяснять отношения не мой конек, обычно я просто без скандала перестаю общаться с такими людьми.

– Моя Ольга такая же, – сказал Сергей. – Услышав слова Нади, она никак не отреагировала, сидела с улыбкой, сделала вид, будто ничего не слышала. Я преисполнился благодарности к супруге за такое поведение. Но на следующий день она поставила мне ультиматум. Прозвучало примерно следующее. Она не имеет права ограничивать мое общение с родственницей, которая не сдала меня в приют, мне надо быть благодарным, содержать Надежду, даже баловать ее и сколько угодно пить с гарпией чай, тратить на нее свои деньги. Но! Ни сама Оля, ни наши будущие дети встречаться с бабой-ягой не станут. И в гости злобину никогда не пригласят. Точка. Кстати, мама Надя никогда не требовала от меня материальной помощи. И близких отношений у нас не было. Когда я поступил в вуз, мать сделала программное заявление: «Сергей! Я занималась твоим воспитанием из чувства долга перед покойной Ниночкой. Теперь ты вырос. Поскольку пока себя обеспечить не можешь, я определила сумму, которую ты будешь получать раз в месяц. Рассчитывай свои траты, больше денег не дам. Кормлю-пою тебя пока тоже за свой счет. А на обновления и удовольствия сам зарабатывай».

– Железная женщина, – пробормотала я. – Странно, на меня она произвела впечатление болтливой кумушки, вроде тех, что у подъездов судачат.

– О нет, – усмехнулся Каменев, – ничего похожего. Моя мать была совсем не такой. Надя превратилась в жесткого профессионала, но я понятия не имею, когда, кого и как она искала. Подозреваю, что у нее была команда, но ни разу имен сотрудников не слышал. Я к ней приезжал два-три раза в месяц, не чаще, мы не нуждались в общении друг с другом. Мои визиты длились не более получаса – пили вместе чай, говорили о пустяках, никогда не затрагивая двух тем: мою семью и ее бизнес. Она меня не звала, я сам прикатывал. Это было... ну как возврат долга. Заболеет мать, я бы стал за ней ухаживать.

– Сегодня был день встречи? – спросил Макс.

– Нет. Консьержка позвонила, – пояснил Сергей, – Наталья. Она сказала, что, когда приступила к работе в доме, Надежда Владимировна дала ей мой телефон и велела: «Если со мной что-то случится, вызови Сергея Петровича. Ни в коем случае не обращай сначала в полицию». Девушка каждый вечер выводила на прогулку собаку матери, и сегодня, как всегда, собиралась это сделать.

Поднялась на второй этаж, стала звонить, но никто ей не открыл. Консьержка решила: произошла беда. Далее понятно.

– А где Лиза? – спросила я.

– Я унес йорка в машину. Заберу Лизу к себе, очень собак люблю, у нас их четверо, – улыбнулся Каменев. – Надеюсь, теперь вам понятно, в какой щекотливой ситуации я оказался? Моя мать занималась поиском преступников и скончалась при странных обстоятельствах. Представляю вой, который поднимет «Желтуха».

– И «Болтун» за компанию, – добавила я. – Плюс «Скандалы недели».

– Эти промолчат, – возразил Сергей Петрович, – их издает один холдинг.

– «Болтун» и «Скандалы»? Правда? – удивилась я. – Полагала, что эти издания – конкуренты.

– Нет, это братья, которые не кричат о своем родстве на всех перекрестках, – подчеркнул ночной гость.

– Почему вы считаете, что «Желтуха» проявит к вам интерес, а другие бульварные издания проигнорируют произошедшее? – удивилась я. – Вы представитель шоу-бизнеса? Политик? Пресса в основном кормится за счет представителей этих категорий людей. Не хочу вас обидеть, но я редко смотрю телевизор и практически не знаю тех, кто сейчас поет, пляшет, снимается в сериалах или отстаивает свое мнение на ток-шоу.

По лицу Каменева пробежала усмешка.

– Разрешите представиться еще раз: Сергей Петрович Каменев, владелец холдинга «Босен», куда входит несколько газет и ряд журналов. Наиболее удачные мои проекты «Болтун» и «Скандалы недели». Сейчас набирает обороты наш Интернет, телевидение. Мне совершенно не нужны шум и лай. Это раз. Теперь два: моя мать не могла сама свести счеты с жизнью. Самоубийство Надежды Владимировны Реутовой – убедительная на вид инсценировка.

Макс встал.

– Почему вы так считаете?

Сергей Петрович тоже поднялся из кресла.

– Характер у нее был не такой. Пару лет назад матери поставили ужасный диагноз: опухоль в кишечнике. Она тогда впервые сама попросила меня приехать и деловито ввела в курс дела: «Сергей! Предупреждаю: я ложусь в больницу. Останусь ли жива, не умру ли в ближайшее время, понятия не имею. Родни, кроме тебя, у меня нет. У гроба карманы отсутствуют, на тот свет я ничего не заберу, поэтому оставляю все свое добро тебе. Вот завешание. А здесь список того, что у меня имеется и где оно хранится. Но особенно не надейся на получение наследства, имей в виду: я очень хочу жить, поэтому постараюсь сломать опухолью шею, уцеплюсь зубами за край могилы, выползу из нее!» И она не сдалась. К счастью, опухоль оказалась доброкачественной: вырезали ее и забыли. Мать после операции резко изменила режим питания, бросила курить, стала заниматься фитнесом, медитацией, похудела, привела в норму давление. И у нее не было депрессивных мыслей. Она строила долгосрочные планы, смерть в них не значилась, самоубийство никак в них не вписывается.

Макс немного помолчал.

– Предлагаю такой вариант. Сейчас я вызываю Фокина, уже упоминал о нем. Олег Михайлович займется этим делом. Из его команды утечки не будет, он собрал сотрудников, которые умеют держать язык за зубами. В целях конспирации можно сделать вид, что обман удался и все поверили в суицид Надежды. А сейчас давайте запрем квартиру Реутовой, вернемся к нам и подождем бригаду.

– Господин Вульф, – заговорил Каменев, пока мы шли по лестнице, – я начинал как издатель комиксов. Но они успеха не имели. Потом создал журнал, нечто вроде программы «Время», где сообщалось об основных событиях прошедшей недели, были комментарии политиков, экономистов. Наш народ любит почесать языки на тему мирового кризиса и всякого такого, поэтому я не сомневался, что серьезный печатный орган окажется рейтинговым.

Макс открыл нашу квартиру.

– И как?

Гость тщательно вытер ботинки о коврик.

– Полный провал. Это был не самый приятный период в моей биографии, большая потеря денег. И, как назло, в тот момент заболела одна моя собака. Я повез ее в ветклинику, сижу в очереди и слышу, как две медсестры судачат на тему одной популярной актрисы, которая только что у них скандал затеяла. Красивое, мол, такое выяснение отношений случилось. С разбитой люстрой в качестве гарнира. Девушки беседовали громко, к ним подключились люди, которые пришли за консультацией врача. И меня осенило – нужна газета сплетен!

– У вас получилось, – отметила я, ставя перед ним чашку с кофе.

– Да, – согласился Сергей Петрович. – А почему? Я создал разветвленную сеть информаторов, плачу каждому, кто расскажет нечто горячее. Поэтому...

– Вы не доверяете полиции, так как среди тех, кто получает от вас деньги, есть и люди в форме, – предположила я.

– В точку! – кивнул Каменев.

Макс взял телефон.

– Фокин порядочный человек, я за него ручаюсь.

Я села к столу.

– Если вы уверены, что Надежда Владимировна не могла покончить с собой, значит, ее отравили.

– Логичный вывод, – хмыкнул гость.

Я решила не обращать внимания на его сарказм.

– Думаю, Реутова реально оценивала опасность своего ремесла и не открывала дверь посторонним.

Сергей Петрович пододвинул к себе сахарницу.

– Мы с ней никогда о ее бизнесе не беседовали. Она не рассказывала, я не интересовался. Но я знал, что мать не любит посещать кафе, рестораны. Пару раз мы с ней пересекались в каких-то трактирах, была необходимость кое о чем срочно поговорить, а ехать домой к матери мне тогда было не с руки. Так вот, знаете, она всегда выбирала столик в углу и садилась спиной к стене.

– Привычка агентов спецслужб и многих полицейских, – кивнул Макс, – береги тыл, чтобы не словить внезапно пулю.

Я поднялась.

– Вы тут пока пейте кофе, а я поговорю с Наташей.

Глава 6

Подъезд оказался заперт, за столом никого не было, я спустилась в подвал и позвонила в дверь.

– Ой, Евлампия Андреевна! – обрадовалась Ната, услышав мой голос, но не открыла створку. – Можете подождать пять минуточек? Я в халате.

– Сама не в бальном платье, – ответила я.

– Вам можно, – ответила Ильина. – Жильцы ходят как хотят, а я на работе.

Лифтерша уложилась в указанное время. Когда дверь наконец-то открылась, передо мной предстала хозяйка в джинсах и пуловере. Наташа ухитрилась еще и наложить по полной программе макияж. Или она в самом деле не смывает его на ночь?

– Хотите компота из черноплодки? – спросила она, впуская меня в крохотный коридорчик. – Меня Лаптева угостила, дала трехлитровый баллон.

– С удовольствием, – кивнула я, усаживаясь на табуретку. – О! У вас новые занавески?

– С собачками, – засмеялась Ната. – Старые еще хорошие были, но я увидела эти и влюбилась. На них все породы нарисованы. Вот, смотрите, ваша Фира, а там Муся, йорк Лиза...

Наташа поставила передо мной чашку и сказала:

– Надежда Владимировна умерла.

– К несчастью, да, – кивнула я.

– Ужасно, – прошептала консьержка. – Утром здоровой уходила, вернулась на своих ногах, подарила мне коробку зефира и... нет человека. Очень страшно. Жуть как умереть боюсь.

Я сделала глоток компота.

– Вам еще рано думать о смерти.

– Господь может в любой момент забрать, – еле слышно возразила Ната, – я в ад попаду.

Я поставила чашку на стол.

– Что за чушь вам в голову пришла?

– Грехов много, заповеди не исполняю, – серьезно ответила Ната. – Батюшка мне постоянно внушение на исповеди делает.

– Не знала, что вы воцерковленный человек, – пробормотала я.

– Каждое воскресенье посещаю храм, – сказала Ната. – На раннюю службу бегаю, к семи утра, она в полдевятого уже заканчивается. Жильцы по выходным долго спят, вот никто и не замечает, что консьержки нет. У меня есть мечта: самой Евангелие прочитать, но буквы в слова не складываются.

Я решила перевести беседу в нужное мне русло.

– У меня к вам пара вопросов. Вы не устали? Можем поговорить?

– Конечно, – кивнула девушка.

– Кто сегодня входил-выходил из подъезда? – начала я.

– Так куча народа, – заморгала консьержка. – Светлана Георгиевна раз десять туда-сюда бегала, то в магазин, то в химчистку носилась, у Лаптевых же домработницы нет. Надежда Владимировна ушла утром на выставку картин в какой-то музей. Она мне название сказала, да я забыла. Вернулась к обеду с большим пакетом. Зиновий Павлович на занятия в девять смылся, в три назад приехал. Ну...

Ната вдруг замолчала.

– Что не так? – спросила я.

Лифтерша принялась теревить край клеенки.

– Евлампия Андреевна, я знаю, что за бизнес у вас с мужем. Вы о работе никогда не рассказываете, но Вера Андреевна, жена Зиновия Павловича, мне про ваше детективное агентство сообщила.

От сидения на жесткой табуретке у меня заныла поясница, я оперлась локтями о стол.

– У нас с мужем легальный бизнес, мы не скрываемся, платим налоги.

– Ой, ой! Я не упрекаю вас в мошенничестве! – испугалась Ната. – Просто подумала, что сын Реутовой к Вульффу обратился, а раз так, то надо честной

быть.

– Хочется услышать откровенный рассказ, – согласилась я.

Наташа опустила голову.

– Я говорила вам, что никогда не сплетничаю.

Я погладила ее по руке.

– Помню, знаю.

– Вы же никому-никому не передадите мои слова?

– Нет, – пообещала я.

– Нельзя, чтобы Вера Андреевна узнала, – пролепетала лифтерша. – Она очень хорошая. Ну прямо замечательная. Была мисс Россия. Такая красивая. И добрая. И все умеет. Один раз я упала во дворе, сильно порезала ногу. Крови было – море! Я жутко перепугалась, а тут Вера Андреевна идет, и я у нее спрашиваю: «У вас дома йода случайно нет?» Так она меня к себе отвела, принесла коробку, надела перчатки и зашила мне рану. Интересной такой иглой. Попшикала потом сверху чем-то из баллончика и сказала: «До свадьбы заживет». Вот что Цыганкова умеет.

Наташа потупилась.

– Когда она уезжает, а такое очень часто случается, к Зиновию Павловичу всегда приходят аспирантки. У Цыганкова красивая жена, модель. Но ей тридцать, а тем, кто учится... намного меньше... Ну вот... так... вот... так...

– И сегодня, когда мы с Надеждой Владимировной звонили в дверь, у профессора кто-то присутствовал в гостях? – предположила я.

– Не знаю, лично я не видела, чтобы кто-то приходил к Зиновию Павловичу. Но думаю, что он был не один.

– Он занимался с девушкой, которая пишет диссертацию? – уточнила я.

– Наверное, они очень увлеклись наукой, – прошептала Ната, – не слышали ни звонка, ни стука. Когда ушла аспирантка, я тоже не видела. Но точно после того, как вы и Светлана Георгиевна разошлись по своим квартирам. А Зиновий Павлович тогда порулил к Надежде Владимировне.

Я посмотрела Наташе прямо в глаза.

– Вы уверены?

– Да, – по-прежнему тихо сказала лифтерша. – У Реутовой дверной звонок прикольный, собакой лает. Очень громко, я всегда слышу, если кто-то к Надежде Владимировне приходит. Реутова Цыганкова впустила, но он почти сразу вышел и к себе наверх на лифте уехал. О ваших передвижениях рассказать?

– Не надо, я все помню хорошо, – улыбнулась я.

Наташа начала загибать пальцы.

– Ваня и Коля Лаптевы пришли из спортсекции, их папа, Михаил Львович, поздно вернулся, он всегда за полночь домой приходит.

– Ничего необычного, – резюмировала я. – Из посторонних кто-то появлялся?

– Вот уж и не знаю, можно ли назвать Константина Андреевича посторонним, – рассуждала Ната, – он же у нас постоянно мелкую работу выполняет. Сегодня его Зиновий Павлович срочно вызвал. Минут через десять после того, как Цыганков от Реутовой вернулся, Костя прилетел, язык на плече, мимо меня бегом, в лифт скачком, на пятый этаж поднялся. Не поздоровался, ноги не вытер, как ошпаренный мчался. Когда он уходил, мне любопытно стало, с чего это он так несся. Костя мне ответил: «Зиновий Павлович хочет дверь в кабинет отреставрировать, сказал, ее случайно повредили, когда мебель передвигали. Но у него все на прежних местах стоит. И похоже, ножом по филенке поработали, исцарапали. Я удивился, почему он меня так спешно вызвал. Позвонил и прямо заголосил: «Константин, скорей, у меня беда, не задерживайтесь!» Я решил, что у них кран на кухне, как в пятницу, сорвало,

вода хлещет. Подумал, сейчас Лаптевых снова затопит, Светлана Георгиевна мне потом мозг высосет, упрекать будет, что не мигом протечку остановил. Принесся – а у него всего-навсего дверь. Кто ее лезвием исцарапать мог?» Я у него еще спросила: «К Надежде Владимировне не пойдешь?» Мастер заявил: «Устал очень, хочу спать лечь».

– Реутова тоже его вызывала? – удивилась я.

Наташа заложила за ухо прядь волос, которая вылезла из резинки, стягивающей «хвост».

– Нет. Костя всегда так: устранит у кого-то неполадку и к Реутовой зайдет. Надежда Владимировна просила его заглядывать к ней просто так, профилактически. Говорила: «Лучше предупредить беду, чем устранять ее последствия». Вот Костя и старался, прокладки менял, вентили всякие. А еще...

Наташа опять опустила глаза.

– Вы плохого не подумайте, Костик ни на секунду не алкоголик. У него жена – ух!!! Гавриловы на машину долго собирали, недавно купили, очень красивую, новую. Но понимаете, у Надежды Владимировны всегда есть невозможно вкусный ликер. Я читать не умею, у меня буквы путаются, в слова не связываются. Названия его не скажу, черная бутылка, на ней песочная этикетка, на которой горы нарисованы и лес. Картинки отлично вижу, и цвета разбираю. Реутова всех ликером угощает, наливает маленькую рюмочку и кофе. Очень вкусно. Костя всегда так этот алкоголь нахваливает. И хоть Надежда Владимировна ему за каждую профилактику денежки давала, он еще и вкусняшкой баловался.

– Больше посторонних не было? – продолжала я.

– Сын Надежды Владимировны прикатил, когда я его вызвала, – сообщила Ната. – И еще фургон приезжал. Правда, в первой половине дня.

– Какой? – заинтересовалась я. – К кому?

– Ну... такой, фургонистый, – расплывчато ответила лифтерша. – Шофер ящик здоровый припер. На первый этаж.

– Там же никто не живет, – удивилась я.

– Хозяин квартиры за границей, – согласилась Наташа, – но иногда покупки делает. Типа бытовой техники или еще чего. Наверное, скоро вернется.

– Вы не в курсе, кто жильем владеет? – поинтересовалась я.

– Сейчас скажу...

Наташа подняла клеенку, выдвинула ящик стола и вынула тетрадь в твердом переплете.

– Тут владельцем указан Юрий Петрович Венькин. Я ни разу его не видела. Говорят, он в Москве не бывает, но вещи покупает. С Интернетом это просто. Сам за океаном, а квартиру в Москве украшает.

– Как звали шофера? Из какого он магазина? – напала я на консьержку. – У вас есть ключи от апартаментов Венькина?

– Нет, хозяин мне их не давал, – жалобно пропищала Наташа. – Вообще в подъезде ни разу не появлялся.

– Но кто-то же должен был впустить доставщика, – справедливо заметила я. – Иначе как ему внутрь попасть?

– Так у него ключи есть, – объяснила Ильина. И, увидев удивление на моем лице, пустилась в объяснения: – Всегда один и тот же человек притаскивает здоровущий ящик, типа контейнер. Длинный, не очень широкий. Наверное, мужик работает у Венькина.

– Как его зовут? – не отставала я.

Ната поникла.

– Иван. Фамилию не знаю. Приятный, вежливый. У него прикольная тележка, он с ее помощью ящик достает, потом в подъезд вкатывает. Здорово придумано. Очень красивенькая повозка. Там кнопочка, и если нажать на нее, «лапы» тяжесть поднимают. Удобная, не надо двух грузчиков нанимать, один справляется. Так дешевле.

– У вас хороший слух, – похвалила я Наташу.

– Да, одарил Господь, могу любую мелодию с ходу повторить, – похвасталась девушка, – пою лучше телевизора. Только вот хрипло. Доктор сказал, надо в горле какие-то узлы в связке удалить, а мне страшно.

– Узелки на связках, – машинально поправила я. – Так, так... Иван привез груз в апартаменты Венькина. А потом водитель никуда не ходил? По лестнице вверх? На лифте на другие этажи не ездил?

– Думаете, он тайком к Реутовой мотался? – догадалась о причине моего интереса Ната. – А зачем ему к Надежде Владимировне бегать? Нет. Вошел в квартиру Венькина, побыл там какое-то время и уехал.

– Ящик оставил, – сказала я.

– Нет, как всегда, с собой его увез, – уточнила Ната. – Он что-то, наверное, делает по хозяйству, но тихое, шума никакого нет, перфоратор Иван не включает. А контейнер потом увозит. Наверное, для доставки всего нужного его использует, не хочет гору вещей таскать, все в одно место складывает. Время экономит. Быстрее же одну штуку достать из машины, чем с мешками бегать. Работает Иван в квартире по несколько часов. Потом уезжает.

– С пустым ящиком? – еще раз уточнила я.

– Не, опять с полным, – возразила Наташа. – Точно не знаю, но я так думаю. Если внутри ничего нет, то укладка должна быть легкая. А зачем тогда «лапы» включать и ремнями груз прикреплять? Думаю, Иван там инструменты таскает, тяжелые. Не пальцами же он винты заворачивает, дрель при нем. Ой, вспомнила, где похожий контейнер видела... – Наташа понизила голос до шепота. – В кино. Там маньяк под строителя косил и точь-в-точь в таком коробе трупы вывозил. А все думали, что в нем всякие его личные вещи. Во как!

Наш разговор прервал мелодичный звонок в дверь подъезда. Ната глянула на часы.

– Кто в такую позднотень в гости собрался? Свои все на месте.

– Наверное, это к нам, – сказала я. – Мужчину зовут Олег Михайлович. И он не один прибыл. Боюсь, вам сегодня не удастся выспаться.

Глава 7

На следующий день я скрючилась за маленькой партой в классе Кисы и слушала разговор других родителей с педагогом.

– Почему Игорю не засчитали домашнее задание по арифметике? – гневно спросила полная женщина в тесном брючном костюме. – Все верно решено.

– А нам страницу красной ручкой перечеркнули, – подхватила мамаша, которая сидела за одной партой со мной.

Я сладко зевнула. Потом спохватилась и прикрыла рот рукой. Нехорошо демонстрировать учительнице, что тебе скучно слушать ее выступление на родительском собрании. На беду, в классе Кисы очень активный педагог. Учебный год длится всего ничего, на дворе начало октября, а Майя Михайловна уже три раза успела пообщаться с родителями, сегодня наша четвертая встреча. И очень неудобно, что собрание, как и все предыдущие, назначено на полдень. Удивительно, что хоть кто-то пришел. Похоже, училка не желает задерживаться на службе, поэтому решила использовать время, когда у класса два урока физкультуры.

– Вы мать Кости Репина? – уточнила она у одной из родительниц.

– Ирина, – представилась тетушка в розовом костюме.

– А я Агата Виноградова, – помахала рукой моя недовольная соседка, – моя дочка Катя ни одной ошибки не сделала, а все красным исчеркано.

Майя Михайловна взяла со стола тетрадь и открыла ее.

– Вот как раз у вас обоих неверно решено.

– Что? – подпрыгнула Ирина. – Два ежика нашли по яблоку каждый. Сколько всего фруктов обнаружили ежи? Два!

– Да, – подтвердила Агата. И неожиданно повернулась ко мне: – А вы какого мнения?

– Два ежика, у каждого по яблоку, – повторила я. – Извините, математика не мой конек, но тут всем ясно, каков ответ. Два.

– И что не так? – грозно поинтересовалась Ирина. – Сколько фруктов, по-вашему, а?

– Два, – спокойно возвестила Майя Михайловна. – По поводу решения я не спорю.

– В чем тогда дело? – разозлилась Репина. – Костик весь вечер плакал, вы ему звездочку не поставили.

– И Катенька расстроилась, – заныла Виноградова.

Майя Михайловна потрясла тетрадкой.

– Уж в который раз говорю: учение – это не только сухие знания, важно еще оформление работы, красота подачи материала. Дабы красиво записать решение, ребенку нужно отступить от слова «Задача» четыре клетки вниз и пять клеток слева. На пятой-четвертой начинаем работать ручкой.

– На пятой-четвертой? – ожил бородатый щуплый старичок, единственный мужчина на нашем женском собрании. – Это как понять-то? Что такое «пятая-четвертая»?

– Вы чей дедушка? – осведомилась Майя Михайловна.

– Я отец Никиты Катаева, – надулся пенсионер. И представился: – Илья. Без отчества. Я еще молод.

Агата хихикнула и шепнула мне:

– С таким молодым хорошо зимой по улицам в гололед ходить – из него песок сыплется, поэтому не поскользнешься.

Я сделала вид, что не слышала ее слов.

– Очень просто, Илья, – снисходительно продолжала учительница, – на четвертой клетке сверху и на пятой слева ребенок начинает писать. Тогда страница выглядит красиво.

– Кому?

– Что? – не поняла преподавательница.

– Кому красиво? – уточнил Катаев. – Мне так не нравится.

– И мне, – подала голос худенькая мама с последней парты. – Кроме того, вы говорили вначале, что надо вниз спуститься на четыре клетки, значит, начнем на пятой.

– Да, – согласилась Майя Михайловна.

– А потом велели на пятой слева начать, – не утихала мамочка. – Сами все путаете!

– Я просто оговорилась, – залепетала педагог, – три сверху, то есть... пять, а четыре...

Родители захихикали.

– Те, кто недоволен оценкой знаний, могут остаться после собрания и переговорить со мной лично, – нашла выход из щекотливого положения Майя Михайловна. – Перейдем к другой теме. Сегодня в нашей школе праздник, старт благотворительной акции «Покорми кошку». Вам понадобится...

– Чью? – перебил Илья.

– Простите? – удивилась учительница. – Как вас понять?

Катаев громко чихнул.

– Нет, это как вас понять? Чьей кисе жрать надо давать? Где она живет? Адрес?

Педагог встала.

– Господа родители! Разрешите мне сначала донести до вас нужную информацию. Акция «Покорми кошку» является милосердно-благотворительной, направлена на сохранение дикой природы, а именно бродячих кошек. Вам необходимо купить корма, взять пустую миску, насыпать туда еду и найти бездомную скиталицу. В момент кормления надо сделать фото первоклассника.

– Мы ходим в нулевку, – напомнила Агата.

– Я в курсе, – кивнула училка, – но некрасиво говорить «нулеклашки».

– А первоклассниками наших детей называть рано, – стояла на своем Виноградова.

Майя Михайловна откашлялась.

– Момент кормления запечатлевайте так, чтобы в кадр попал и кот, и ребенок. Одно животное нельзя.

– Кормить нужно кота или кошку? – спросила Ирина.

– Так они одно и то же, – опрометчиво ляпнула классная руководительница.

– Уважаемая, вы ошибаетесь, – отрубил Илья, – между мужской и женской особью существует различие. Принципиальное. И во всем животном мире так. Даже у людей. У мужчин есть...

– Я имела в виду, что пол обмилосердованного зверька не важен, – живо заметила Майя Михайловна, и ее щеки зарделись румянцем.

Похоже, училка очень не хотела, чтобы папа Катаев вслух объяснил присутствующим, что такое интересное есть у представителей сильного пола и отсутствует у слабого.

– Затем ребенок рисует, как он угощал дикое животное. Красиво оформляет работу и сдает, – договорила педагог.

Ирина подняла руку.

– Где найти кошку?

– На улице, – терпеливо пояснила Майя Михайловна. – И в супермаркете. Бесхозные повсюду гуляют.

– У нас аллергия на кошачью шерсть, – сообщила Агата, – мы лучше собаку сфоткаем.

– Нет, – не согласилась педагог, – акция «Покорми собачку» будет проводиться зимой. Неужели не ясно, что кот – не пес?

– Можно мы с нашей Муркой сфоткаемся? – еле слышно спросила худенькая мама.

Майя Михайловна закатила глаза.

– У нас милосердно-благотворительная акция для бесхозных животных. А ваша Муська имеет дом.

– Мурка, – поправила женщина.

– Работы надо сдать послезавтра, – проигнорировала ее замечание педагог.

– Послезавтра? – воскликнул хор голосов.

Учительница села.

– Времени полно.

– Я работаю, – заныла Ирина, – времени на эту муру нет.

– Вы называете наше мероприятие мурой? – возмутилась Майя Михайловна. – Эта акция – удивительное воспитательно-формирующее личность действие.

Развитие сострадания. Обучение милосердию. Любви. Привитие православных ценностей.

– Я еврей, – уточнил Илья.

– И что? – опешила училка. – Евреи же православные.

– Нет, – возразил Катаев. – Могу объяснить, что...

– Не надо! – остановила его педагог. – В стенах гимназии рады детям всех цветов кожи, любого материального достатка и социального положения родителей. У нас все равны. Церковь отделена от государства. Религиозной пропагандой мы не занимаемся. Все кормят кошку, потом составляют доклад «Как я помог животному».

– Дети еще не освоили навыки письма, – опять перебил Майю Илья.

Учительница сделала глубокий вдох.

– Имеется в виду рисунок. И устный рассказ у доски. С хорошей лексикой. Без «э...» «э-э-э...» «бе...» и «ме...» Гладкая, оформленная речь.

– У нас нет компьютера, – подала голос тихая мама. – Мы, последователи церкви «Добрый Иисус с тобой», вообще против этого изобретения дьявола.

– Останьтесь после занятий, – отмахнулась учительница. – Следующий вопрос: чаепитие в субботу.

– Какой-то праздник подкатывает? – забеспокоилась Агата.

– День учителя! – осенило Ирину.

– Ну да, – скромно потупилась педагог. – Обычно в этот день дети поздравляют тех, кто вкладывает в их обучение душу и сердце. Мы отменяем четыре последних урока...

– У нас их в субботу всего два, – выкрикнул Илья. – И если занятий нет, то вообще лучше поспать.

– Принудить к посещению торжества я не имею права, – надулась Майя Михайловна. – Дети приготовили представление. Никита Катаев изображает ленивого пингвина. Он вам не рассказывал?

– Нет, – удивился Илья.

– Кто еще не слышал о спектакле? – грозно спросила педагог.

Поднялся лес рук.

– И костюмы не сшили?

– Нет... – пропел хор родителей.

– О боже! – простонала училка. – За тридцатилетнюю карьеру педагога у меня впервые такой безалаберный класс. Довожу до вас краткий сценарий. Живет плохой пингвин – хулиган, двоечник, отвратительный тип.

– И его играет мой Никита? – подпрыгнул Илья.

– Да, – сквозь зубы процедила Майя Михайловна.

Катаев стукнул кулаком по парте.

– Никогда! Мальчик не примерит на себя эту мерзкую роль! Никита прекрасный ребенок!

– Это же театр, – улыбнулась училка.

– Нет!! – добавил децибелов в голос Илья. – Нет!!!

– Выслушайте меня, – потребовала учительница. – Нельзя по первому шагу о всей дороге судить, вот и ваш пингвин ужасен лишь вначале. Кстати, девочка Красная Шапочка не лучше. Они вместе безобразничают – ломают деревья, не слушают свою маму козу.

Идя на это собрание, я дала себе честное слово, что буду сидеть молча. Но тут не сдержалась:

– Коза родила Пингвина и Красную Шапочку?

– Да, – улыбнулась классная руководительница.

– Маловероятная ситуация, – тут же высказал свое мнение Илья. – Пингвин еще куда ни шло, хотя разные виды не скрещиваются, но Красная Шапочка... Мало того, что она девочка, так еще и мифический, реально не существующий персонаж.

– Это сказ-ка! – по слогам произнесла Майя Михайловна. – Опущу середину пьесы, а то вы опять нервничать будете. Все закончится хорошо. Пингвин станет отличником, Красная Шапочка тоже, они обнимут панду и слона...

– В детском спектакле неприемлем секс, – покраснела Агата.

– Объятия чисто дружеские, – отбила подачу училка. – Короче! Список, кто кого изображает, висит на доске объявлений на первом этаже. И, наконец, последнее. Завтра каждый ребенок должен принести по рулону туалетной бумаги и бумажного полотенца, бутылку геля для мытья рук, горшок с цветком.

– Зачем цветы? – прошептала худенькая мама, считающая компьютер изобретением дьявола.

– Для украшения классной комнаты, – ответила учительница.

– Здесь и так нормально, – возразила Агата.

– Школа не дворец! – зашумел Илья. – Мой вопрос: на хрена такая тьма бумаги, полотенце, геля? В классе двадцать пять детей. Директор торговать, что ли, пипифаксом собралась?

– Как вашему сыну в туалет сходить? – пошла в атаку Майя. – Вернее, что ему делать после завершения процесса? Бумаги нет, руки помыть нечем, а они грязные.

– Мой мальчик никогда не писает на руки, – заявила Ирина.

Я с большим трудом сдерживала смех, который буквально рвался наружу. Однако, оказывается, на родительских собраниях бывает весело.

Помнится, когда пришла пора записывать Кису в школу, я провела энное время у компьютера, изучая сайты общеобразовательных заведений и читая на форумах комментарии пап-мам, бабушек-дедушек. Большинство взрослых хвалило гимназию, где директором был господин Гусев. И располагалась школа в двух минутах ходьбы от нашего дома, и денег там за обучение не брали. Но я туда даже не сунулась. Почему? В классах там было всего по пятнадцать человек, а на сайте вывесили список тех, кто уже подал заявление, в перечне значилось сорок пять фамилий. Ниже шло объявление: «А связи с полным набором детей в три нулевых класса прием закрыт». После долгих размышлений мы с Максом выбрали платное заведение, где я сейчас и находилась. Прошло чуть больше месяца со дня начала учебы, а я уже устала от классной руководительницы. А ведь впереди у нас одиннадцать лет!

Вернувшись домой, я поднялась на пятый этаж, позвонила в дверь к Цыганковым и сказала открывшему дверь Зиновию Павловичу:

– Добрый день. Разрешите с вами побеседовать?

Профессор прищурился.

– Рад вас видеть. Простите, что стою перед вами в халате. Никак не ожидал гостей в столь ранний рассветный час.

– Не хотела вас разбудить, но дело не терпит отлагательства, – сказала я, удивляясь тому, как поздно восходит для профессора солнце, на часах-то уже обеденное время.

– Видите ли, уважаемая, извините, не знаю вашего имени-отчества... – запел доктор наук. – Да, я веду кафедру, но вопросов о приеме в аспирантуру не решаю. Если ваш ребенок не получил рекомендацию от кафедры, ничем помочь не могу. И вы опоздали с хлопотами, сейчас уже октябрь. Все решения приняты, приказы подписаны.

– Зиновий Павлович, наденьте очки, – попросила я.

Цыганков похлопал себя по бокам, вытащил из кармана очки, посадил их на нос и воскликнул:

– Евлампия Андреевна! Доброе утро! Проходите, пожалуйста. Простите, не узнал вас. Прекрасно выглядите, помолодели, посвежели. Отдыхали, наверное? Принял вас за сумасшедшую мамашу. Прямо беда с ними. Как только наступает начало учебного года, так дамочки просто ума лишаются, требуют, чтобы их детки-неучи в аспирантуре оказались, несмотря на неудобства, которые на сессиях получали.

Я молча шла за хозяином, старательно сохраняя на лице вежливую улыбку. Зиновий спутал меня с женщиной, чей отпрыск не поступил в аспирантуру. Следовательно, диплом об окончании вуза у соискателя есть. И сколько же мне, по мнению Цыганкова, лет?

– Чайку? Кофейку? – пел хозяин, усаживая меня в гостиную. – Правда, Верусеньки нет, она улетела на фэшн-неделю в Милан.

– Зиновий Павлович, – перебила я его, – не хочу отнимать у вас время, поэтому без долгих церемоний спрошу. Вы знаете, что случилось с Надеждой Владимировной?

– Надежда Владимировна... Надежда Владимировна... – забормотал профессор. – Ах, Надежда Владимировна! Ну конечно! Она позавчера с блеском защитила докторскую. Вы с ней знакомы? Воистину мир тесен.

– Я о Реутовой, нашей соседке со второго этажа, – уточнила я.

Собеседник засмеялся.

– Я весь в работе, первая мысль в голове о коллеге. Надежда Владимировна – не редкое имя. С Реутовой я иногда пересекаюсь в лифте. Приятная дама, собачка у нее милая.

– Она умерла, – продолжила я.

– Да что вы говорите! Жаль псинку, – пригорюнился Цыганков. – Увы, век домашних любимцев короток. Вы собираете деньги на похороны песика? Сейчас принесу.

– Йорк в полном здравии, – остановила я профессора, – скончалась его владелица.

Доктор наук начал ахать и охать.

– О господи! Я видел ее на днях во дворе. Бодрая была, веселая. И вдруг! Все под богом ходим. А что случилось? Инсульт? Инфаркт?

– Зиновий Павлович, – продолжила я, – вы же знаете, мой муж – владелец крупного частного детективного агентства.

– Слышал что-то о нем, – согласился сосед, – Верочка говорила. Ох, любите вы, женщины, слухи и сплетни собирать.

– Макс часто работает в тесном контакте с полицией, – сказала я, – и сейчас мы подключились к расследованию внезапной кончины госпожи Реутовой. По сему поводу у меня есть несколько вопросов к вам.

Цыганков сделал скорбное лицо.

– Да, да, конечно, понимаю. Спрашивайте. Правда, ничего интересного я не сообщу, наше знакомство шапочное. Но всегда готов помочь. Итак?

Я положила руки на подлокотники кресла.

– Зачем вы вчера поздно вечером заходили к Реутовой?

Профессор изобразил удивление:

– Кто?

– Вы вчера вечером поздно заходили в гости к Надежде Владимировне, – чуть не по слогам повторила я. – У квартиры Реутовой громкий и оригинальный звонок, он издает лай. Вы, стоя на лестничной клетке, сказали: «Это Зиновий Павлович». Затем вошли и почти сразу вышли.

Профессор сцепил пальцы рук в замок.

– Простите. Начисто забыл. Сейчас пишу новую книгу, весь в ней. Да, действительно, я заглянул к Надюше, надо же, совсем из головы вылетело.

«Ага, – отметила я про себя, – у него Реутова теперь Надюша».

– Просто поговорить заскочили?

– Да, да, о ерунде поболтать, – обрадовался подсказке Зиновий Павлович.

– За пару минут наговорились? – уточнила я.

– У Надюши голова болела, – придумал очередную версию Цыганков, – она честно сказала: мигрень. Ах ты боже мой, наверное, у бедняги инсульт начинался.

– И вы ушли просто так? – укорила я профессора. – Не предложили соседке таблетку?

– Я сострадательный человек, – забеспокоился ученый, – если вы думаете, что я не помог, то это не так. Предложил Надежде Владимировне пилюли. Она их приняла.

– И потом умерла, – заявила я, – на тумбочке у кровати пустой блистер нашли.

Зиновий Павлович открыл рот.

– Нет!

– Реутова точно скончалась, – возразила я. И, усмехнувшись про себя, добавила: – А вас теперь заподозрят в содействии ее смерти.

– Меня? – перепугался хозяин. – За что?

– За лекарство, – уточнила я. – Медикаменты порой могут вместо пользы вред принести. Если при поносе слабительное примете, что получится?

Лоб профессора покрылся мелкими капельками пота. Я решила закрепить успех.

– Вчера Надежда Владимировна стояла у дверей ваших апартаментов. Я слышала ее слова: «Знаю, чем ты занимаешься». Увидев меня, Реутова сообразила: я слышала ее фразу, – поэтому принялась изображать, будто поет популярную песенку. Но я предполагаю, что она заподозрила вас, Зиновий Павлович, в неблаговидном поведении. Вы сидели в квартире тихо, не откликнулись. А когда все ушли, спустились к Реутовой и завели с ней непростой разговор, в процессе которого решили убрать ее со своего пути. Попросту сказать, убить. Почему? У меня есть предположение: возможно, вы изменяете

супруге, а Реутова пыталась вас шантажировать.

– Хорошо, хорошо, хорошо, – зачастил профессор. – Евлампия, дорогая, поймите меня правильно... я честный человек... прекрасный муж...

Я терпеливо слушала сбивчивый рассказ Зиновия Петровича и в конце концов узнала, как развивались события.

...Доктору наук хорошо за шестьдесят, но он до сих пор нежно любит молодых девушек, в особенности тех, кому от восемнадцати до двадцати пяти. Уж очень эти прелестницы нравятся Цыганкову. С несовершеннолетними педагог никогда не связывается, он законопослушен. У Цыганкова молодая жена, ей тридцать пять. Профессор любит супругу, но, понимаете... у него еще не атрофировались всякие желания. А в институте, где Цыганков заведует кафедрой, на лекциях сидят в основном девушки. Юные. Прелестные. Персики. Майские розы. Незабудки. Блондинки. Брюнетки. Полненькие. Стройные... При таком выборе любой соблазнится. Дьявол не спит, искушает. Да еще современная мода не способствует целомудрию. На студенточках мини-юбки. Кофточки с глубокими вырезами. Маечки в обтяг. Сядет такая нимфа сдавать зачет, томно вздохнет, начнет нести чушь на вопрос билета, наклонится, станут видны сочные перси... Надо дурочке поставить «неуд», но ведь ее стипендии лишат и отчислить могут. А Цыганков жалостливый. Токмо из сострадания профессор приглашает глупышек к себе домой, исключительно для пересдачи зачета-экзамена. Вчера Надежда Владимировна подошла к двери квартиры сластолюбца и сказала в домофон: «Знаю, чем ты занимаешься». Профессор, естественно, занервничал, ведь рядом с ним находилась студентка Катя Полякова. Надеюсь, всем понятно, по какой причине парочка сидела тихо.

Неверный муж стал думать, как ему быть, если Реутова продолжит звонить, но та почему-то перестала. Зиновий Павлович осторожно включил камеру и увидел на лестнице меня, Наташу и Реутову. И вовсе запаниковал. Он решил, что Надежда Владимировна решила его изобличить, для чего собрала свидетелей. Но вся честная компания неожиданно удалилась. Цыганков подождал некоторое время и выпустил Катю...

Я удивилась, что Наташа ничего не рассказала о визите девушки, повторяла, что в подъезд не входили посторонние. Требовалось неувязку прояснить.

– Лифтерша не заметила студентку?

Профессор опустил очи долу.

– Ну... когда я провожаю гостью, то обычно один еду на первый этаж, а моя... э... подопечная идет босиком до второго и там ждет. Внизу я говорю Ильиной: «Деточка, помогите банку открыть». Наталья направляется со мной в квартиру, а гостя убегает. Очень просто.

– Понятно, – кивнула я. – И входят девушки тоже как-то по-хитрому?

– Если днем заглядывают, то не скрываются, – пояснил донжуанистый профессор, – и уходят часов в пять, не таясь. А вот коли вечером появляются, тогда да. Звонят со двора, я консьержку отвлекаю.

Вчера обожатель юных прелестниц планировал оставить очередную студентку Катю у себя до утра, но после появления у своей двери соседки решил не рисковать. Избавившись от студентки, Зиновий Павлович успокоился, а потом на него накатилa вторая волна страха. Что, если Реутова расскажет Верочке о том, как не могла попасть в их квартиру?

Профессор нервно побегал по комнатам и в конце концов решил поговорить с Надеждой Владимировной. Причем соблюдал меры предосторожности – не воспользовался лифтом, а тихо спустился по лестнице. Затем позвонил в дверь Реутовой, не подумав о том, что «собачий лай» звонка услышит консьержка. Хозяйка почему-то не спешила на зов. Зиновий Павлович решил, что она спит, и зачем-то подергал ручку двери. Та неожиданно открылась. Весьма удивленный профессор двинулся по коридору, говоря на ходу:

– Надежда, это Цыганков... Вы легли спать, а квартира открыта...

Ответа не было. Он добрался до спальни, вошел – и увидел хозяйку на кровати. За свою долгую жизнь доктор наук «встречался» с покойниками только на похоронах, но сейчас почему-то сразу понял: Реутова мертва. Зиновий Павлович перепугался и сбежал.

– Дверь захлопнули? – спросила я.

Преподаватель потер ладонью затылок.

– Не помню.

– В котором часу вы заходили к Надежде Владимировне? – не отставала я.

– Не скажу точно, – пробормотал Цыганков, – поздно. Поймите меня правильно! Признаюсь, иногда я изменяю жене, но я не убийца. Собирался сделать Реутовой за молчание подарок, спросить, что она предпочитает: духи, конфеты, сумку... Готов был купить ей любой женский пустячок...

– Если дама решила вас шантажировать, то «милым пустячком» вы бы не отделались, пришлось бы раскошелиться по полной программе, – заметила я.

Глава 9

– Если Реутова занималась ловлей беглых преступников, то список людей, желающих ей зла, может оказаться весьма длинным, – заметил Макс, когда я, приехав в офис, передала ему свою беседу с Цыганковым. – Наверняка были заказчики, которым она не смогла помочь. А деньги, выданные на расходы, не возвращаются.

– Надо найти список ее клиентов, – предложил Володя Костин.

– Отличная идея, – одобрила я приятеля, – но в отличие от тебя Надежда Владимировна никогда не работала в полиции.

– При чем тут полиция? – поморщился Вовка. – Я уже давно с Максом.

– Полиция тщательно хранит всю информацию о делах, – вздохнула я. – Сколько раз ты жаловался, что чувствуешь себя писарем, мол, кучу бумаг за день заполнил и с ума сошел? А у Реутовой такой необходимости не было.

– Лампа права, – заметил Фокин, – более того, я думаю, что хантерша, прежде чем приняться за новую работу, тщательно уничтожала все, относившееся к предыдущему делу. Я бы именно так поступил. В квартире Реутовой работали криминалисты и ничего интересного не нашли. Судя по ее домашнему окружению, она обычная пенсионерка. Только очень обеспеченная, с шикарным жильем, красивыми вещами и вкусными продуктами. На себе, любимой, она не экономила, покупала лучшее.

Костин встал, подошел к доске и взял фломастер.

– Кто мог убить охотницу?

– Один из близких пострадавшего, – предположил Олег. – Реутова пообещала отцу-матери-брату-сестре жертвы, что найдет сбежавшего преступника, который убил их любимого человека, и не сдержала слова.

– Возможно, – согласился Макс. – Дело за малым: выяснить имена ее клиентов и всех проверить.

– А почему вы решили сфокусироваться только на родственниках одной стороны? – спросил Вова. – У преступников тоже есть близкие. Осужденный насильник для членов своей семьи чист, как слеза младенца, по их мнению, просто полицейские дело состряпали, а судья не разобрался и впаял бедняге пожизненное заключение.

– Значит, еще нужен список подозреваемых, – протянул мой муж.

– Консьержка уверяет, что посторонних в день смерти Надежды Владимировны в подъезд входило не так уж много. Наташа всех знает, они обслуживают жильцов, ни в чем дурном раньше не были замечены.

– Помнится, Федоренко тоже казался приветливым человеком, помогал окружающим, детей местных любил, угощал их конфетами. А потом вдруг выяснилось, что на нем более двадцати трупов, – вздохнул Фокин. – Маньяк убивал незнакомых людей, а с коллегами-соседями после этого был снова милый, очаровательный. Если некто вам при первой встрече сахарно-медово улыбается, в любви клянется, держитесь от него подальше.

У следователя зазвонил телефон, Олег вынул трубку.

– Слушаю. Вы где? Сейчас приеду.

Я спросила:

– Что-то интересное обнаружили?

– Ребята в квартире Реутовой, – ответил Фокин, – ничего примечательного не накопили, дверь опечатали.

– Может, ее никто не убивал? – предположила я. – Имело место простое самоубийство? Проглотила женщина таблетки, запила водой – ну случилась у нее минута отчаяния?

Олег опять потер затылок.

– Хм, некий резон в твоих словах есть. Следов борьбы на теле Реутовой нет. Трудно насильно заставить человека выпить большое количество снотворного. Даже слабую женщину. Точно потасовка завяжется. Царапины эксперт обнаружит, синяки-раны на руках заметит. А в случае Надежды Владимировны – ничего. На кружке только ее отпечатки, и на бутылке тоже.

– Значит, суицид? – вздохнула я.

– Все-таки есть небольшие шероховатости, – заметил Фокин. – Во-первых, кружка. Макс, покажи.

Вульф щелкнул пультом, на экране монитора появилось изображение.

– Что в ней необычного? – не понял Костин. – Подобные кружки у миллионов людей имеются.

Фокин отобрал у Макса пульт.

– То-то и оно. Изучи интерьер квартиры Реутовой.

– У нее полно дорогих, изысканных вещей, – сказала я, глядя на меняющиеся на экране снимки. – Один раз я зашла к ней. Надежда Владимировна неоднократно и весьма настойчиво приглашала меня в гости, я под благовидным предлогом отказывалась, но потом мне стало неудобно. С порога я поняла: Реутова любит редкие вещи, антиквариат. Чай она мне налила в очень красивую чашку. На столе сверкали серебряные сахарница, «лодочка» для конфет. Вся обстановка гостиной, где мы сидели, была тщательно продумана, ни одной случайной мелочи. Пледы в креслах из ангорской шерсти, ковер туркменский, старинный, ручной работы. Все изысканно, дорого. А сейчас перед нами весьма вульгарная кружка. Не фарфоровая – фаянсовая, с надписью «Любите друг друга». Такие в качестве сувениров разные фирмы раздают.

– И мы похожие заказывали, – оживился Вовка, – двести с чем-то рубликов за штуку, с изображением Шерлока Холмса. Клиенты радовались. Пустячок, а душу греет.

– Странно, что такая дама, как Реутова, воспользовалась такой кружкой, – пробормотала я.

– Вот-вот, – кивнул Фокин, – она по идее должна была взять чашку из какого-нибудь сервиза. Гляньте, сколько в квартире прекрасных вещей.

– Нервничала, торопилась, схватила первое, что попало под руку, – без особой уверенности возразил Вульф.

Я не согласилась с мужем.

– У этой женщины и первое, что попадется под руку, окажется изысканным. Она легла в кровать в роскошном ночном одеянии, вся в кружевах, рюшах, пахла французскими духами и... пила воду из барахла?

– Погодите-ка... – попросил Макс. – Олег, не листай фото, задержись на том, где изображена тумбочка крупным планом. Да, верно. Мне вот что в голову пришло. Сколько пустых блистеров было?

– Три, – уточнил Олег, – рядом пустая упаковка от лекарств. Таблетки продаются в картонке по тридцать штук. По десять в один блистер уложены. На месяц запас.

– Покажи лекарство, – потребовал Вульф.

На экране появилось фото.

– Коробка, в ней было тридцать пилюль... – забормотал мой муж, – срок годности март будущего года... Произведено в Индии...

Игорь, который до сих пор сидел молча, подал голос:

– Средство легально разрешено в России.

– Так... – протянул Макс. – На каждом блистере с десятком таблеток есть номер. Хочу на все три посмотреть, увеличь изображение. Ага! Вот оно! Я молодец!

– Ты о чем? – одновременно спросили мы с Костиным.

Вульф потер руки.

– Мне пришла в голову простая идея. Кружка не принадлежит Реутовой, поскольку это не ее стиль. Но посудина все же дома у Надежды Владимировны, и нет сомнений, что она ее в руке держала. Олег прав: если заставить человека насильно принимать лекарство, то он будет сопротивляться. И добровольно никто из рук убийцы пойло не возьмет. Эксперт живо обнаружит признаки борьбы. А что, если Надежда Владимировна побывала у кого-то в гостях и ее там угостили?

– Снотворное растворяется в воде, запаха и вкуса не имеет, – тут же уточнил заведующий отделом компьютеров Игорь.

– Надежда выпила в гостях воды, а в ней была немалая доза лекарства, – продолжал мой муж. – Когда Реутова скончалась, убийца водрузил на тумбочку кружку с отпечатками пальцев жертвы, бросил пустую упаковку...

– Не пойдет, – возразила я, – на блистерах следы пальчиков Реутовой, она сама вынимала лекарство.

– Правильно, – согласился муж, – о том же и я подумал. Поломал голову и... Смотрите. Лекарство годно до марта будущего года, так написано на общей упаковке. В ней должны быть три фольгированные пластинки по десять пилюль. Сбоку на каждой тоже указана дата окончания использования и номер.

– Номер? – удивилась я.

– Да. И на всех блистерах он свой, – поддакнул Костин. – У нас когда-то проходило дело о фейковых медикаментах, я многие тонкости тогда изучил.

– Не все производители так поступают, – заметил Игорь, – но данная фирма ответственно к вопросу относится. Глядя на экран, выражаю сомнение: похоже, только один блистер для этой коробки родной. Два других – нет.

– Как ты это определил? – удивилась я.

– На картонке напечатано: М/06-750, – пустился в объяснения Гарик. – Расшифровываю: М косая черточка ноль шесть – это значит, что пилюли можно использовать до шестого марта, а семьсот пятьдесят – номер блистера. В картонке их должно быть три, соответственно, два других должны иметь маркировку М – черточка ноль шесть семьсот пятьдесят один и пятьдесят два... или семьсот сорок девять – сорок восемь. Разница непременно в одну цифру. Но! На другом блистере выбито: Д черточка двенадцать. То есть двенадцатое декабря. И как в картонке, содержимое которой годно до марта, оказался декабрьский блистер? И третий, январский? А?

– Кто-то собрал старые блистеры, которые Надежда Владимировна использовала, поэтому на них есть ее отпечатки, – договорил Макс, – и отравил Реутову, представив все как самоубийство. Не новая идея.

Я посмотрела на Фокина.

– Консьержка утверждает, что в подъезд не входил никто из посторонних. Наташа не умеет врать, она слегка отстает в развитии. Очень исполнительная, честная, аккуратная девушка, но с фантазией у нее беда. Дислексия, дисграфия, отсутствие образования не способствуют развитию воображения, а без него хитроумный план не составишь. В дом заходил Костя, мастер на все руки. Его вызвал Цыганков. Вообще-то странная на первый взгляд история: Зиновий

Павлович потребовал, чтобы Костя пришел срочно, и тот примчался, полагая, что у профессора в квартире кран сорвало, а оказалось, что надо поговорить о ремонте двери, которую кто-то поцарапал. Ну и к чему такая спешка? Во время разговора со мной Зиновий Павлович признался, что боялся языка Реутовой, пошел к ней, чтобы попросить не рассказывать его жене о его выкрутасах, но нашел соседку мертвой, перепугался и сбежал. А потом решил организовать себе алиби – ножом поскреб одну из створок в квартире и вызвал рабочего. Если вдруг полиция начнет соседей опрашивать, у Цыганкова будет все отлично, он у себя дома с Константином беседовал.

Я встала.

– Простите, мне пора бежать в гимназию за ребенком.

Глава 10

– Лампа, мой костюм Красной Шапочки готов? – с подозрением спросила Киса, когда мы вошли в квартиру. – Он же у меня будет, да?

У вас хватит смелости ответить на такой вопрос правду: «Нет, дорогая, я начисто забыла об идиотском спектакле»? У меня язык не повернулся.

Я сняла куртку.

– Солнышко, конечно, будет. Я специально приехала пораньше, чтобы успеть все приготовить.

На самом деле мне предстояло опросить соседей, но об этом Киса никогда не узнает.

Малышка подошла ко мне и с чувством произнесла:

– Ты лучше всех мам на свете!

Я погладила ее по голове и поцеловала в макушку.

– Легко быть лучше всех мам на свете, если у тебя самый прекрасный ребенок на Земле.

– Что мы сделаем сначала? Сошьем костюм или составим доклад про кошку? – запрыгала Киса.

Сшить наряд? Да я совершенно не умею орудовать иглой! Мне и пуговицу не притачать! Вот готовлю я замечательно, портниха же из госпожи Романовой, как из козы барабанщик.

Кошка! Я начисто забыла и про эту замечательную идею Майи Михайловны.

Киса подергала меня за рукав.

– Времени мало.

– Почему? Сейчас только три часа дня, – удивилась я.

– Осень, темнеет рано, – объяснила Киса, – а когда света нет, фотографировать на улице плохо. Зато шить можно дома при электрическом свете.

– Разумно, – согласилась я, – пошли искать кису.

Малышка схватила курточку.

– Майя Михайловна объяснила, что бродячие Мурки в основном водятся в супермаркетах.

Я считаю, что школьница должна уважать учителя, тогда процесс получения знаний пойдет успешно, поэтому решила не ронять авторитет классной и кивнула.

– Хорошо, можем пойти в магазин.

Конечно, я сомневалась, что мы увидим в зале бездомную кошку, за такую любовь к братьям и сестрам меньшим торговую точку живо оштрафует санитарная служба. Но нам все равно нужно было купить корм.

– Лампа, не стой, побежали, – поторопила Киса.

Мы отправились на улицу и через пару минут вошли в супермаркет.

Малышка стала озираться.

– Где кошки?

Я показала на табличку «Зоотовары».

– Нам туда.

– Зачем? – спросила малышка.

– Давай сначала купим еду для Мурки, – ответила я.

Киса побежала в нужном направлении, я пошла за ней, и вскоре мы стали обладательницами пакетиков с разными кормами.

– Теперь нужна голодная кошечка, – справедливо заметила Киса. Метнулась к прилавку и спросила у продавщицы:

– Где у вас живут кисоньки?

– Да вон они, – заулыбалась женщина, показывая на вольеры, – выбирайте. Какую хотите? У нас есть на любой вкус.

– Мы не собираемся ее есть, – испугалась моя школьница, – мы не кошкожоры, на вкус котиков не пробуем.

– Смешная у вас дочка, – сказала продавщица. – Покупайте любую, какая приглянулась, сделаю хорошую скидку.

– Нам нужна бродячая... – принялась я объяснять суть дела.

– Чего только в школе не придумают! – всплеснула руками тетушка, когда я выложила всю правду о нашем визите. – Рада бы помочь, но у нас в магазине исключительно элитные экземпляры. Животным, которые по улице шляются, сюда вход заказан, мы боимся инфекции.

– Знаю, где нужные сидят! – возвестила Киса. – В рыбе! Йо-хо-хо!

Издав крик готового к бою пирата, малышка кинулась к двери.

– Училка глупость придумала, – продолжала сердиться продавщица. – И зря вас в супермаркет погнала. Если кто из покупателей пожалуется, что у прилавка кота заметил, магазину такой штраф насчитают! Голодных бедолаг в подвалах надо искать, но не советую вам там шариться, еще на бомжей наткнетесь. Купите у меня котеночка. Скидку сделаю.

Я попятилась к двери.

– У нас два мопса.

– И что? – удивилась торговка. – Им только веселее станет.

– Лампа! – донесся из продуктовой части магазина счастливый крик Кисы. – Я нашла ее! Сейчас вытащу...

Забыв попрощаться с приветливой женщиной, я ринулась на зов и увидела Кису, которая сидела на корточках возле прилавка, на котором висело объявление: «Трусы Маугли продают в отделе товаров второй необходимости». Слева маячил еще один листок: «При покупке десяти картофельных котлет детский ночной горшок «Мамина радость» с песней в подарок». Забыв, зачем пришла в супермаркет, я замерла.

– Чего хотите? – осведомилась полная женщина, которая протирала прилавок тряпкой.

– Трусы Маугли... – пробормотала я.

Продавщица подбоченилась.

– Во народ! Да, они у меня здесь были. Из-за ремонта весь товар второй необходимости по разным отделам распихали, а теперь он снова в одном месте. Специально же написали! Русским языком!

– Извините за любопытство, – смутилась я, – но что такое трусы Маугли?

– И что вам ответить? – еще сильнее обозлилась тетка. – Сами не знаете, чего купить хотите. Насмотрелись кино и прибегаете. Трусы Маугли – это трусы Маугли. Ясно?

– Нет, – призналась я. – Чем они от обычных отличаются?

– Тем, что их сам Маугли носил, – объявила продавщица.

– А что такое товары второй необходимости? – продолжала недоумевать я.

– Лампа, дай «Вкусные кусочки в желе из устриц» и мисочку, – потребовала Киса. – Кошечка есть хочет.

Я протянула ребенку пакет.

– Все там.

– Товары второй необходимости – это товары, которые не включены в товары первой необходимости, – неожиданно вполне мирно объяснила торговка.

Я посмотрела на бейджик, прикрепленный к ее форменной куртке.

– Спасибо, Зинаида. Извините за любопытство. Просто никогда не слышала ни про трусы Маугли, ни про товары второй необходимости. Интересно стало.

Собеседница легла грудью на прилавок.

– Это вы меня простите, что полкана спустила. День сегодня неудачный, покупателей совсем нет. Но вы-то ни при чем. Вторая необходимость – это всякая ерундень, вроде детских карнавальных костюмов, пластиковых мисок, бижутерии копеечной.

– Кис-кис! – радостно закричала Киса. – Не бойся.

– Народ к нам совсем не идет, – тоскливо продолжала Зинаида. – Купите у меня хоть что-нибудь. Зачем вам трусы Маугли? Все равно не помогут. Нельзя рекламе верить.

Меня охватило жгучее любопытство.

– А для чего это белье?

– Неужели ролик по телику «Как быстро научить ребенка разговаривать на семи иностранных языках сразу» не видели? – удивилась продавщица.

– Редко смотрю телевизор, – вздохнула я, – времени нет.

– Кошечка, не бойся, – нежно выводила малышка, – смотри, какие вкусные кусочки в желе. Лампа, она их не хочет!

– Достань из пакета паштет «Нежный кролик с овощами», – предложила я, заинтригованная неожиданной связью между нижним бельем и возможностью превратить чадо в полиглота.

– Котя, котя, котя... – тараторила Киса, – ну вылезите...

– Обычные такие труселя, – скривилась Зина, – ерунда, но их так преподнесли... Где-то у меня их реклама есть. Секундос!

Продавщица полезла под прилавок и вытащила листок с изображением мальчика, которого придумал писатель Киплинг.

– Лучше сами прочитайте, – протянув рекламку мне, велела Зина.

– Кошечка, покажись! – умоляла тем временем Киса, заглядывая под стеллаж с овощными консервами.

Я отлично понимала, что никакой кошки в торговом зале нет и не будет, но идти ловить ее на улицу совершенно не хотелось. Решив оттянуть момент радости шатания по переулкам, я начала читать: «Маугли мог легко разговаривать и с медведем, и с пантерой, и со змеей, и с обезьянами. А почему? Потому что у него было особое белье. Теперь приобрести его может каждый взрослый! Мы сделали для вас трусы Маугли. Сшили их по старинному китайскому рецепту. Надевайте их, и ваши дети мигом освоят иностранные языки. Трусы Маугли – образование вашего ребенка».

– Вот же глупость, – выпалила я. – Неужели нашелся хоть один человек, который поверил в такую лабуду, купил товар? Кстати, литературный герой жил в Индии, фраза про то, что исподнее сшито по китайскому рецепту, просто восторг.

Зина выпрямилась.

– Да что вы прямо! Толпы за ними бросились! Девочки из отдела едва успевали стринги из подсобки выносить. У нас народ, если что по телику узрит, вмиг того хочет.

– Не помню, во что был одет герой книги, но сомневаюсь, чтобы он использовал трусы, – искренне удивилась я.

– Лампа! Кошечка вылезла! – что есть сил завопила Киса. – Я уговорила ее! Ой, такая лапочка...

Я обернулась и приросла ногами к кафельной плитке.

Глава 11

– Кто это? – прошептала продавщица.

– Киса, иди ко мне, – дрожащим голосом попросила я.

– Она ест! – в полном восторге повторила Киса. – Лампуша, снимай!

– Солнышко, это не кошка, – прохрипела я.

– А кто?

– Не знаю, – честно ответила я.

– Если кто-то ест кошачьи консервы, мурчит, как кошка, имеет хвост, шерсть и уши, как у кошки, то он кошка, – выстроила безупречную логическую цепочку девочка. – Смотри, какая миленькая.

– Ага, – придушенно прошептала продавщица Зина. – Откуда это чудо-юдо появилось? У нас оно раньше не жило.

– Бездомная! – ликовала Киса. – Лампа, давай, снимай скорее, как она ест с аппетитом. А я шерстку гладить буду.

– Не надо! – крикнула Зинаида. – Отойди подальше.

Я не была полностью солидарна с продавщицей, но как можно мягче сказала:

– Кисуля, извини, но это существо, возможно, не кошка, а...

– Крыса! – завизжала продавщица. – Помогите, люди! Сюда! Скорей! Ребенок в опасности! Мутант на свободе!

– Тетя, перестаньте орать, – потребовала Киса. – Вы что, шушер никогда не видели?

– Да я столько раз с ними сталкивалась, сколько зубов у тебя нет, – неожиданно обиделась Зина.

– Это не крыса, – поспешила я на помощь девочке, – лапы высокие. Хвост короткий и толстый, такой бывает у котов породы бобтейл. Уши заячьи, тело худое, длинное, шерсть...

Я примолкла. Как описать то, что покрывало неведомое создание? мех? Не похоже. Волосы? Тоже неправильно. Это были... Кустики шерсти разной длины, густоты и цвета. Но самое удивительное, что у странного существа оказались большие, выпуклые, как у мопса, глаза, заостренный нос, пышные усы и неожиданно толстые щеки...

– Это не крыса, – повторила я.

– А на кошку похоже, как я на балерину, – не успокаивалась Зина.

Киса погладила странное существо по голове.

– Тетя, вы вообще не танцовщица, они же все худенькие, красивые. А это кошка, только дикая, поэтому такая.

– Прекрати ее трогать! – снова взвизгнула Зинаида. – Подцепишь чуму, проказу или диабет.

– Сахарная болезнь ни воздушно-капельно, ни контактно не передается, – возразила я.

– Лампа, надо ей еще еды дать, – засуетилась Киса.

Зверушка села и посмотрела на меня.

– У нее лапка болит, – испугалась девочка, – смотри, она ее поджала. Наверное, бедняжке очень плохо, ее надо скорее к доктору везти, нельзя здесь оставить, она умрет. От голода. Давай возьмем кисоньку себе.

– В магазине много еды, – малодушно возразила я, – и у нас живут Фира с Мусей.

– Они добрые, не обидят ее, – заныла девочка.

– Вдруг животное заразно? – сопротивлялась я.

– Доктор его вылечит, – парировала малышка.

Животинка издала тихий стонущий звук.

– Лампуша, она плачет! – всхлипнула Киса. – Пожалуйста, давай заберем ее.

Я схватила девочку за руку.

– Пошли, нам надо найти кошку и сделать с ней фото. Нельзя же пригреть всех бездомных зверей.

– Можно, – упрямо прошептала Киса. – Если каждый человек возьмет себе по одной брошенной кошке или собаке, все будут счастливо жить дома.

Я потянула Кису к кассам. Девочка покорилась, мы сделали несколько шагов, и тут меня словно толкнули в спину. Я обернулась.

Тощее страшненькое существо, покрытое клочкастой шерстью, сидело, прижав к груди левую, странно вывернутую переднюю лапку. Похоже, конечность и впрямь была сломана. Заячьи уши непонятное существо опустило, и они теперь почти касались пола. В больших глазах, которые неотрывно смотрели на нас, плескались отчаяние и безнадежность, на мордочке застыло выражение смирения. Казалось, зверушка говорит: «Я не сержусь, что вы уходите, прощайте. Мне очень-очень хочется пойти с вами, но я понимаю, такое счастье невозможно».

Из двери, которая вела в служебные помещения магазина, ленивой походкой вышел здоровенный мужик с палкой в руке.

– Наконец-то! – обрадовалась Зина. – Сколько тебя, дурака, ждать? Крысы по магазину гуляют, а он, блин, дрыхнет!

– Не визжи, – лениво огрызнулся дядька, – ща притырю ее.

Зверушка упала на живот и попыталась уползти, но больная лапа мешала быстро двигаться. Мужик поднял палку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/darya-doncova/pryanik-s-chnoy-ikroy>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)